

The background is a surreal, painterly landscape. It features a figure in a dark, hooded cloak standing on a green, sloping hill. The landscape is composed of various shades of green, blue, and purple, with a textured, almost mosaic-like appearance. There are several bare, dark trees with intricate branch structures. The sky is a mix of light blue and white, suggesting a hazy or dreamlike atmosphere. The overall style is reminiscent of a watercolor or a soft-focus painting.

П. Шамета

Абстрагированный

Вечный сад

Г.М.

Т. Шамета

Абстрагированный. Вечный сад

<https://litres.ru/74323363>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Абстрагированный. Вечный сад» – это космическая и одновременно земная история о поиске себя. Ровно восемьсот миллионов лет назад пришедшие с экспедицией из далекого мира повлияли на историю Земли. У них были свои цели, а он, прибывший вместе с ними, чужой им, оказался невольно втянутым в их эгоистичный проект. И это стало для него роковой ошибкой, привязавшей его к новому миру. Он всё еще здесь. В новом облике забывший себя, в плену у земных снов, у мира безудержно, неумолимо деградирующего, катящегося к бездне вечного небытия...

Метафизическая научная фантастика, спекулятивная проза с элементами альтернативной эволюции и визионерский роман-поиск. Первый роман трилогии, объединенной общей темой и персонажами.

Содержание

Глава	4
Пролог	9
Часть 1. Главы 1-10	10
Часть 2. Главы 11-20	112
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Т. Шамета

Абстрагированный.

Вечный сад

Глава

Т. Шамета

Абстрагированный
Вечный сад

Посвящается Сальваторе, Юлии, Антонине, Виктору К., Алексею, Евгении, Елизавете, Николаю, Виктору Ш. и другим моим близким. Посвящается моим друзьям и выражаю особую благодарность Павлу.

Автор: Т. Шамета
«Абстрагированный – Вечный сад»

В мире, где смыслы дробятся на заголовки, а тишина считается болезнью, эта книга – мой способ подать сигнал из своей изоляции в вашу. Неважно, разделяют ли нас километ-

ры или годы – мы встретились там, где время не имеет власти: в пространстве чистого понимания.

«Абстрагированный – Вечный сад» – метафизическая научная фантастика, спекулятивная проза с элементами альтернативной эволюции и визионерский роман-поиск. Первый роман трилогии, объединенной общей темой и персонажами. Каждая часть имеет самостоятельное завершение и может считаться отдельным произведением. Продолжение серии: 2. «Дереализация – Потерянный в Саду Вечности» 3. «Вечный дереализованный – Сад абстракции». (Все три книги трилогии «Abstractio – Giardino eterno» официально опубликованы в бумажном и электронном форматах на итальянском языке в 2025-2026 гг.)

Оглавление

Пролог

- 1. Отрыв... отъединение**
- 2. Встреча за гранью привычного**
- 3. Лишь пробное видение**
- 4. Как камень, спящий в холодной пустыне**
- 5. Сон, рассказанный «не сестрой»**
- 6. Обучение сиддха**
- 7. Скромные метаморфозы**
- 8. На подходе к «толосу», присутствия...**
- 9. Оставшийся**

10. Станный ресорт в лесу
11. Сны никогда не спавшего
12. Мечущий молнии брат
13. Человеческая озабоченность
14. У мальчика крылья... Внутри росписи
15. Какого типа фантом?
16. Душа дома
17. Нуждаются ли боги в чем-то?
18. Еще кое-какие превращение
19. Цитадель, вода и камни
20. Пришедшие из бездны
21. Живой квест, игра или параллельное существование
22. Простая развязка
23. Дух, поселившийся в чужом саду
24. Башня, вариант судьбы
25. Прощание со человеческим
26. Встречи с фосфоресцесцирующими
27. Второй сон «не сестры»
28. Поющие камни, праздник ядовитых грибов
29. Мальчишка, перешедший Грань
30. Храм памяти. Расставание на железной дороге
31. Пловец в Океане Вечности
32. Спящий дом и бродячий бард
33. Полет сквозь сад, не имеющий пределов...
34. Встреча под портиком

35. Скучающее в одиночестве дерево.
36. Что думают об этом мире «по-иному живые»?
37. Когда никто не видит и не слышит...
38. Этот жестокий мир
39. Компромиссы
40. Всего лишь человеческие слова
41. Быть человеком не так уж легко
42. Грани, порталы, бегство через миры
43. Ожившая роспись. Память
44. За чаркой божественного напитка
45. Живые на гребнях волн
46. Опьянение
47. Еще о людях, еще о «богах»
48. Земных дела
49. Тени, ставшие людьми
50. Третий сон потерянной
51. Древний бункер, тень мира
52. Его вина. Фантазмагория
53. Абстрагированный. Создание
54. В лабиринте граней
55. Безвременье. Четвертый сон предназначенной
56. Последний аэропорт. Герметические поезда
57. Их совместный сон
58. Стеклованная стена времени
59. Простенькая калитка на выходе из рая
60. Контакт

61. Один в лесу

62. Изнанка реальности. Еще кое-какие метаморфозы

63. Видение в карстовая долине

64. Нимфа подземного озера

65. На границе запретного

66. Дверь

67. Черное озеро

68. Открытие, которое сделали мальчишки

69. Мир изменился.

70. Провал

71. Пятый « не сон» богини мудрости

72. Погружение. Осколки

73. Шестой сон

74. Одна в чужом времени

75. Полет возвращения

76. Седьмой сон

77. Лишь приоткрытая дверь...

Замечание от автора книги

Пролог

Неожиданно, рывками, черный провал сам приблизился к нему два-три раза, словно увеличиваясь в размерах, и наконец перед ним возник темный зал пещеры. Массивная базальтовая стена экранировала вход, диоритовый коридор начинался сразу за ней, уводя вправо. Но это был лишь первый, за ним следовали другие и другие... А что дальше? Дальше они словно сливались в нечто единое, и что-то превращало их переплетенный лабиринт в настоящую бездну. Кто мог бы сотворить подобное, слишком тяжелое для присутствия любого живого существа... Что случилось с теми, кто когда-то вошел под арку входа и углубился в темный зал, свернул за угол массивной стены? Вечность несуществования... Бездна беспредельного лабиринта, прессующая всё живое и неживое, выйти из которой было уже невозможно. Свернувшие за первый поворот первого коридора не знали ни что это за место, ни что их ждет, и – ничего о тех, кто и с какой целью засылал их туда. Они исчезали, переступив предел, словно растворялись: черная пучина засасывала их, поглощая без следа....

Часть 1. Главы 1-10

1. Отрыв... отъединение

... «Космическая глушь». Он произнес вслух эти два слова иронично, чувствуя себя отчасти пилотом. Внутри челнока, осуществляющего перелет с борта материнского корабля, зависшего на орбите, на базу, расположенную на еще неизвестной ему планете. Как будто ему было что-то известно о космическом пилотаже! В то время как «базой» был всего лишь ярко освещенный въезд в туннель, который уже по счету. Вокруг непролазная сельская местность без всяких признаков жилья, утонувшая в ночной тьме. Почему-то ночью дороги кажутся длиннее, а горы – выше. Горы, окутанные мраком, безлюдные, населенные ночными духами. Пустынную дорогу сопровождали лишь выхваченные фарами светоотражающие знаки, а ему в голову лезли разные странные мысли, к примеру, про этот туннель. Он был особенно длинным: новенький и хорошо оборудованный, ярко освещенный светодиодными лампами, казавшийся скорее дворцом, чем простым дорожным сооружением. Но дворец, который не нуждался ни в убранстве, ни в людях. Вполне самодостаточная конструкция, жившая как бы своей собственной жизнью посреди этой глуши, не считая периодических дорожных работ.

Туннель, пробитый в горах, пересекал территорию национального парка, большая часть которого была закрыта для посещения туристов, а потому место совершенно пустынное. Машин в это ночное время почти не было, редкая промчавшаяся мимо, оставляла его надолго одного, и даже радио временно перестало работать. Вот откуда брались мысли о почти космическом одиночестве и о безднах, космических или океанских. И ему невольно представился дрейфующий в космосе корабль, в котором человек по какой-то причине остался совершенно один. Это его временное прибежище в океане мрака, до тех пор, пока не придет конец всему. Сам же оставшийся в одиночестве очень скоро пожелает этого конца!

А мысли его продолжали блуждать, пока туннель разворачивался впереди в плавном и, казалось, бесконечном повороте. Земной океан – тоже своего рода бездна; яхтсмен, пересекающий его в одиночном плавании, – песчинка. Вокруг безбрежный мрак ночи, а под суденышком – бездонная глубина, о чем ласково, вкрадчиво напоминает шелест волн... И вот тогда самые худшие ночные кошмары постепенно начинают заползать на борт! Он невольно ухмыльнулся собственной фантазии.

Однако этот туннель казался слишком длинным. То и дело встречались островки пожарной безопасности, и на светящихся указателях испуганные человечки убегали в сторону экстренного выхода. «Куда? – рассеянно подумал он вслух.

И сам же себе ответил, с некоторым удивлением слушая звучание собственного голоса: – Во тьму, конечно... На край горы, куда еще!» Время от времени попадались какие-то эксплуатационные ответвления, вентиляционные или, может быть, просто никуда не ведущие тупиковые штольни, но он не слишком в этом разбирался. «Думать о том, что эта конструкция, погруженная в глухое оцепенение, может иметь какую-то свою жизнь... всё равно что предположить в ней наличие своего рода души?» – задал он себе следующий вопрос. А в этом случае была бы она расположена признать в человеке своего Создателя! И снова ответил сам себе: «Когда гигант начнет приходить в упадок, тогда, может быть, сгодится на что-то и ничтожное живое существо».

Странные мысли – очевидно, накопившаяся усталость давала о себе знать. И он решил, что едва выберется из туннеля, остановится в первом придорожном торговом комплексе, чтобы немного размяться и выпить кофе. Но почему-то не испытал ни малейшего энтузиазма при мысли о приятной остановке, как будто не смог себе вообразить то, о чем только что подумал. (Да и самого дорожного сервиса, казалось, больше не существовало.)

– Что за черт... – пробормотал он себе под нос. Туннель, казалось, только и делал, что беспрерывно удлинялся, а в голову ему продолжали лезть самые несуразные мысли. Ловушка! И ему невольно вообразилась следующая картина: мотор глохнет где-то посреди этого проклятого бесконечно-

го коридора, вокруг пустынно, ни одной проезжающей мимо машины, а он вынужден продолжить путь пешком и ближайший аварийной островок дорожной службы бог знает где... Телефон молчит. Глухое молчание. Так, словно он остался один в целом мире, один на один с этой мертвой, пустынной громадиной туннеля. Идет и идет, идет вперед... – бежит! А дальше уже просто нелогичный, бессмысленный страх!

Теперь линии стен, потолка и ряды светодиодных ламп закручивались в одну тугую спираль, ускользавшую в бесконечность. Его несло куда-то, но без всякого «челнока» и без «космического корабля»! Среди мириад звезд, совершенно один... Спираль – и точка.

... А потом оказалось, что он лежит на боку, на влажном, мягком песке и глядит на серебристо-серую воду, тихо накачивающуюся на берег совсем близко от него. И не думает ни о чем, расслабленно сосредоточенный лишь на ритмичном, завораживающем шелесте и на тусклом блеске. Сколько времени он так пролежал?

Солнце подобно расплывчатому пятну сияло в светло-серой дымке, а вокруг повисло полупрозрачное марево. «Однако, какой отчетливый, детальный бред!» – подумал он удивленно. Ветерок слабо шевелил тонкие, гибкие пучки маррам-травы на песке. Вот странное название: «маррам»... Мысль о траве заставила его сесть. Но что произошло? Он только что думал о чем-то, но уже не помнил, о чем – в голове полная, абсолютная пустота! Казалось, он просто при-

лег ненадолго отдохнуть и последнее, что ему запомнилось – какой-то сон, бред, да и тот полностью стерся.

Сел, страхнул прилипший к одежде влажный песок, оглядел самого себя: штаны, простая рубашка в клетку навыпуск, полуразбитые спортивные ботинки. Голова как будто слегка кружилась. Трогая плечи и голову, обнаружил, что его волосы завязаны в хвост на затылке, а легкий бриз играл одной выбившейся из пучка прядкой. Потом припомнились какие-то два чудика, получившие премию за открытие «особой энергетической силы волос, собранных в конский хвост». Премия была денежной?.. Но что за абсурд лез ему в голову! Поднимаясь на ноги, он качнулся и оглянулся вокруг.

Место выглядело экологически чистым: поросшие типичной прибрежной растительностью дюны в легкой дымке, судя по всему, совершенно безлюдные. Первая логичная мысль: выпил вчера лишнего, отошел по нужде, заснул в дюнах – ничего лучшего предположить не смог, хотя внутри была неизвестно откуда бравшаяся уверенность, что он к спиртному вообще не прикасался!

Лагерь, из которого он ушел, очевидно, скрывался где-то здесь, неподалеку в тумане. Но вокруг царила полная тишина, и слышались лишь легкие всплески воды и слабые вскрики чайки. А это означало, что он удалился на порядочное расстояние. Должно быть, его искали... Странно, но он не знал, кто это мог быть. Так или иначе, не нашли и бросили здесь одного! Однако полный провал памяти не позволил

определить, кому предъявлять претензии. «Алкогольная амнезия», ощущение почти полного отсутствия воспоминаний было крайне неприятным! Возможно, он просто упал в темноте и сильно ударился головой о корягу, торчавшую здесь же из песка, у самых его ног, и пролежал в отключке до утра. Но не было и следов падения – лишь немного оглушённый.

Сбитый с толку, растерянный, сделал несколько шагов в сторону дюн, чуть увязая в песке, хотел крикнуть, но не знал кого звать. «Эй...» – пробормотал он, как будто боясь потревожить сам тонкий туманец, плывший вокруг него.

Чуть дальше от воды лежали наносы посеидонии, иссушенных до сероватой белизны водорослей. И еще дальше, на пологом песчаном склоне рос почти целый ботанический сад: колючки синеголовника, морская горчица и «ипомея из семейства выюнковых» – козье копытце, обильно цветущее фиолетовыми колокольчиками. А у него в голове была одна лишь ботаника, в то время как он не мог вспомнить даже собственное имя! «Прекрасное дикое местечко...» – проговорил тихо вслух, пытаясь как-то успокоить себя, так, словно выбрал это место для отпуска.

Тем временем теплое марево уже чуть заметно поредело, хотя еще не вполне рассеялось и продолжало плыть вокруг. Вода катилась лениво и плоско растекалась по песку, мелкая и прозрачная. Купание могло бы освежить голову и прояснить ум, но он так и не решился раздеться и залезть в воду. Просто, сунув руки в карманы штанов, пошел вдоль берего-

вой кромки, оглядываясь на собственные следы, оставленные на разглаженных участках песка. То пятился от медленно подкатывающейся к ногам низкой волны, то временами поддевал носком ботинка гальку. Слабый утренний ветерок трепетал в складках его рубашки. Сколько времени он так шел, ни о чем особо не думая?.. Как вдруг вспомнил, что его разбудило. Да, точно, он не сомневался: был какой-то звук, какой-то сигнал, доносившийся очень издалека. Но с какой стороны? Скорее всего, он шел в неправильном направлении!

Странная апатия... «Акедия». Вот, еще одно бесполезное слово. Казалось, он был переполнен словами, и всё не по делу. Акедия – особая тоска, охватывающая монаха-затворника в полдень и вызывающая в нем желание бросить свое затворничество и бежать куда глаза глядят. Келья кажется тесной, молитвы – бессмысленными. Депрессия?..

Потом в дымке перед ним обнаружился холм, а он начал медленно, почти автоматически подниматься по сыпучему песку косогора. С верха сопки перед ним открылся другой окутанный легким туманцем белесый пляжик в окаймлении холмистых вересковых дюн и скал. Ветер, дунувший порывом слева, заставил его повернуться; он взглянул и застыл изумленный. Что это?.. Гигантский отлив?!.. Сквозь разорвавшееся на клочки марево постепенно проступало огромное пространство. Оно сияло отдельными зеркалами мелководных лагун, чередовавшихся с участками суши: песча-

ными, каменистыми перешейками и зелеными маленькими, скалистыми островами. Однако растительность, казалось, уже давно перебралась даже на самые дальние островки. И гряды бледных, как тени, далеких гор замыкали по бокам береговую линию. А само море... Море было где-то там, почти на горизонте, скрытое в серо-голубой дымке, и оттуда, изда-лека, в кристальной тишине доносился его глухой рокот.

По другую сторону холма стелилась роща извилистых стланцев, распластавших на песке свои стволы и ветви, и еще дальше – целое море ежевичника! Темные, в тусклом сиянии солнца, непролазные тернистые чащи прерывала лишь широкая белесая полоса каменной россыпи. Возможно, пересохшее русло реки, хотя торчавшие в хаосе, высокие и полуполегшие тростники выдавали какое-то присутствие воды, и кустарники пробивались среди камней.

Некоторое время он стоял на холме, обдуваемый легкими порывами ветра, в своего рода шоке и растерянно оглядывал все эти бескрайние пустоши без всяких признаков человеческого присутствия и ничего не понимал. Что за место?!.. За темным полем ежевичника стояла стена леса в магических полосах утреннего тумана, еще скрывавшего горные дали.

Ждать помощи было явно неоткуда, но он вдруг ощутил парадоксальное чувство очарования и умиротворения и теперь предавался гипнотическому созерцанию. Кажется, он давно не испытывал такого чувства покоя. «Абстрагированный»... другое всплывшее словечко. И откуда они брались,

эти слова?! Но он действительно ненадолго забылся, а когда пришел в себя, собственная медлительность показалась ему странной. Стоило подумать, как найти тропу на поле ежевичника, колючие заросли которого казались неприступными. И закрались неизбежные мысли о еде и о воде: пресная вода могла ему очень скоро понадобиться! Когда он ел в последний раз?..

Тем временем солнечное излучение начинало постепенно будить терпкие запахи растений. Он взглянул себе под ноги: «Портулак?..» Наклонившись, сорвал мясистый листик и, слегка потерев его между пальцами, рассеянно попытался жевать. Ну да... портулак или дандур ползучий, растущий в прибрежных зонах, настоящий натуральный допинг (допинг, но и кислятина, жгучая!). Сплюнул на землю. Впрочем, он не испытывал ни голода, ни жажды. «А может, я просто умер?!..» – рассмеялся внутри себя пришедшей в голову нелепой мысли. Потому что это означало бы, что он только что жевал райский портулак! Но тогда, скорее уж, Чистилище, в Рай за какие-то прегрешения его просто не впустили. Однако тонкая струйка песка, медленно утекавшая из-под ног, свидетельствовала о том, что с физическими явлениями в этом мире было всё как обычно.

Да, конечно, в его положении было над чем посмеяться: на райских терниях ни одной ягоды, лишь зеленые завязи, и пчелы гудели над цветами. Ни еды, ни пресной воды, Рай очень скоро мог превратиться в настоящий Ад! Но и это по-

чему-то не слишком его озаботило. И снова поймал себя на том, что время от времени поглядывает в сторону терновой пустоши так, словно ожидает от нее чего-то, сам не зная чего.

Ширь по левую сторону от него уже почти окончательно раскрылась и прояснилась, и многочисленные маленькие лагуны блистали, как ясные зеркала, между зыбучих песков. По этим перешейкам можно было бы, не без риска, добратсья и до самого барьера Больших Вод, кативших свои пустынные волны где-то там, на горизонте. Но пока всё это было ему совершенно безразлично. Тишь... Шелест легкого прилива где-то внизу, у подножия холма, гудение пчел над цветущими кустами и окрики одинокой чайки. И еще что-то...

Как будто звучало где-то... звучало беззвучно... непонятно откуда и очень далеко. Порывы ветерка то и дело застилали ему уши. Может быть, звенел в ушах сам необычный покой, пронизывавший всё окружающее. Звон, тиннитус... «Акуфен» – вот еще слово, которое пришло на ум; что-то, помимо ботаники, он знал! Пора было уже прийти в себя: затянувшаяся дурь похмелья или самая настоящая амнезия?!

И он был уже готов спуститься с холма, чтоб освежить водой лицо и наконец начать поиски тропы, как вдруг замер. Что-то привлекло его внимание...

2. Встреча за гранью привычного

... Белесое пятнышко зависло над обширным темным полем колючих зарослей и как будто слегка подрагивало. Не

мираж, но слишком далеко, чтоб понять, что это было на самом деле. Оно скользило, явно продвигаясь в направлении берега. Кажется, человек, одетый во что-то светлое... Если только он не принял блик света за желаемые очертания: парейдолия своего рода. Тот шел по направлению к нему напрямик через терновое поле. Не шел на самом деле... – скользил по воздуху поверх ежевичной чащи, лишь чуть задевая ногами кусты! А он, уже было вскинувший руки в надежде привлечь к себе внимание идущего, медленно опустил их. Обман зрения? Нет, подобный глюк – это уже слишком... Пятно тем временем приближалось и действительно принимало очертания человека. Накинувший на плечи пляжное покрывало, купальщик направлялся к прибрежным дюнам, проще говоря, плыл по воздуху, завернувшись в подстилку! Ну да, на нем было что-то вроде мантии.

Легкий порыв ветра вдруг как будто прояснил зрение. Он ясно увидел фигуру и даже рассмотрел черты лица идущего, несмотря на всё разделявшее их расстояние. Это был старик. Белые волосы человека откидывались при ходьбе назад, и на нем был колыхавшийся при каждом шаге длинный балахон – странный бутафорский костюм карнавального персонажа. Тот походил на сказочного мага или белого монаха. Лицо «монаха» было чуть удлинненным, благородным, однако для настоящего старика, пожалуй, слишком молодое. Должно быть, в лесу неподалеку проходили съемки фильма, и место было вполне для этого подходящим. Актер, при пол-

ном гриме, отошедший от съёмочной группы, чтоб прогуляться у моря... шел поверх ежевичника! Что за ерунда!

Тем не менее он живо вообразил себе, словно всё это было ему знакомо: фургоны, киносъёмочное оборудование, ассистенты, операторская группа и массовка. А затем всего на одно мгновение промелькнуло предположение: он сам – заблудившийся актер?!.. По крайней мере ему вдруг припомнился один трагикомический случай, произошедший «с одним знакомым ему актером», которого – в костюме и загримированного под персонажа – забыли после съёмок в сельской местности. Безработный актер, подрабатывавший в массовке? Едва ли! Кажется, в своей жизни он сыграл немало разных ролей, но только не в кино и не в театре. (Отчего-то он был уверен, что актером не был никогда. А вот ботаником – да, возможно!)

Между тем человек действительно шагал поверх кустов, и в этом больше не было никаких сомнений. Следующее абсурдное предположение не заставило себя долго ждать: реактивный ранец! Ну да... С помощью такого можно совершать большие прыжки и даже небольшие перелеты. Вроде бы ими когда-то экипировали солдат, но дело на том и заглохло, а рюкзаки остались на военных складах.

В общем, актер вышел на поле... опасно поразвлечься со старым сухопутным военным реактивным ранцем, без защитной одежды, без мер предосторожности! Ничего глупее этого он, конечно, не смог бы придумать. Но, может, это бы-

ла простая левитационная доска? Да нет... Потому что тот шел, то есть, двигал ногами.

Однако сейчас он больше всего опасался, что человек просто не заметит его и повернет обратно к лесу. Конечно, теперь он знал, что дорога за лесом была, даже если в поисках тропы ему пришлось бы поблуждать в терниях! («А там, автостопом до ближайшего населенного пункта!»)

Ринулся вниз по холму, скользя по песку, увязая, перемазывая через колючки синеголовника, чтоб хотя бы немного приблизиться к идущему; собирался размахивать руками, но поскользнулся и неловко приземлился. Поднялся на ноги и вздрогнул – старик был прямо перед ним!

Тот оказался не совсем «стариком», как он и предполагал, но волосы у него были совершенно белые. Белые и длинные. «Викинг, что ли?... – сравнение на мгновение озадачило его самого. – Однако молодец! Типичный колдун из фэнтези!» Собственные мысли казались ему парадоксально нелепыми. И всё же, как тот очутился неожиданно прямо перед ним?...! Под ногами фальшивого старика были хорошо видны неполоманные и даже непримятые кустики мясистого капробротуса, усеянные желтыми цветами.

На этот раз он даже не успел удивиться своим ботаническим познаниям. Двинулся навстречу человеку, и крикнул громко, даже довольно агрессивно:

– Эй! Как вы это делаете!?!

Конечно, оптический обман! Фата-моргана... И только по-

том спохватился, готовый произнести скомканное приветствие. Попытался найти для себя хоть какое-то более-менее приличное логическое объяснение. Нужно было всего лишь сказать незнакомцу, что он заблудился.

– Говори, конечно. Если тебе удобнее говорить.

– А?!.. – отозвался он растерянно, пытаясь прочесать пестерней волосы, завязанные в хвост. Тот что-то сказал ему?! Губы «не старика» даже не шевельнулись. Какого черта! Что за трюк?!

Качнул головой, стараясь не зашкаливать на бреде. Да нет, такого не могло быть, и тем не менее он подумал: «Ну да, всё правильно... Так было б гораздо удобнее объясняться. Хотя бы на уровне таких простых фраз». Теперь еще и телепатия?!..

А сам продолжал всё так же напряженно глядеть под ноги старику. Провел обеими ладонями по лицу и еще раз покачнулся, увязая в песке. Тот, несомненно, принял его за пьяного! Но старик, вместо того, чтобы задать ему самый обычный вопрос, продолжал выдерживать паузу и странно молчать. Пора бы было объясниться с ним нормально. «Нормально... Как еще?!» – подумал он, раздраженный собственными мыслями. Начал что-то сбивчиво говорить, но о своей потерянной памяти предпочел умолчать. Говорил, а сам всё время не отрываясь смотрел тому под ноги. Да нет же... Странно одетый человек стоял перед ним вполне нормально, как и полагается. То есть, не зависал в воздухе – привидится же такое!..

Профессиональный актер или всего лишь «ролевик»? Они в самом деле обменялись мысленными фразами?! Он притормозил самого себя: нет, с ним явно происходило что-то. «Все признаки алкогольного отравления налицо...» – сказал себе это в полной уверенности, что вообще не употреблял алкоголь!

– Вы здесь снимаете фильм?

Вопрос вырвался прежде, чем он смог его удержать. А про себя подумал: «Скорее какая-то игра! Взрослые люди, играющие в разные такие игры..!»

– Ни то и ни другое, Нейл. А мы звали тебя.

«Я знаю», – подумал он машинально. И переспросил вслух удивленно:

– Что вы сказали?!..

Ему не хотелось возражать незнакомцу. Да ладно, забавно даже, пусть будет «Нейл»! Имя какое-то... Как вдруг его осенило: да ведь его действительно зовут так! Но откуда тот мог его знать?! Моложавый старик лишь покачал головой так, словно угадывал все его мысли и испытывал сожаление по поводу того, что Нейл думает. Глаза фальшивого «старца» поблескивали как-то странно ярко. А Нейл вдруг ощутил внутри себя незнакомую грусть. Он даже не предполагал, что такое возможно, пока эта непонятная тоска не взяла его душу будто в тиски. И почему-то он был абсолютно уверен, что ощущение исходило именно от стоявшего напротив! Сейчас их разделяли шесть-семь шагов, но ни он, ни старик

не предприняли попыток приблизиться.

Желая проверить, действительно ли незнакомец понимает его мысли, Нейл с сарказмом попробовал спровоцировать того, думая: «Отличный маскарад! Маг? Верно?» Последовала длинная пауза, после которой он смягчил свою мысль. «Неплохой грим!..» Взгляд старика был пристальный и печальный. Не было сомнения, что тот каким-то образом улавливал его мысли!

А голова у Нейла вдруг пошла кругом, подкатила легкая тошнота. Впрочем, это была чуть ли не первая нормальная реакция, которую он испытал за всё это время. Солнце еще не могло ему напечь голову, но стресс был ощутимый. «Кажется, он пытается меня гипнотизировать!» – подумал Нейл и ему вдруг стало не по себе. С чего вдруг этот странный тип пытался его гипнотизировать!?! Необъяснимая тоска внутри усилилась. Теперь его почти разрывало от грусти! И слезы навернулись на глаза. Он даже устыдился самого себя.

– Ну ладно, хватит уже! – теряя всякое терпение, крикнул Нейл, как самый настоящий параноик. Так, словно именно этот человек был виноват во всех его бедах. Для второсортного актера тот хорошо вошел в свою роль, не хватало лишь магического посоха в руках! На благородном лице никаких эмоций, полное спокойствие. Фигура «кинематографического старца» будто подрагивала. В глазах у Нейла мутилось. Какой-то шорох в голове... какие-то странные помехи... А он инстинктивно вскинул руки к голове. Это еще что?!.. Что

тот пытался с ним сделать?! И невольно словно погрузился в чужой взгляд. «Не старик» смотрел на Нейла в упор, но как будто сквозь него. Что-то было явно не так...

– Не надо бояться, Нейл.

– Я?.. Боюсь? С чего ты это взял?

Нейл не удивился тому, что был со стариком уже на «ты». А тем временем ему в голову вернулись достаточно парадоксальные мысли. До этого они говорили без слов... В самом деле, зачем превращать многоцветную картину мысленного общения в какой-то карикатурный, бесцветный набросок, высекая, будто каменным топориком, неадекватные слова! И когда именно он выбрал эту манеру изъясняться? Долго приспособлялся, чтобы быть как все! «Так вот почему люди не могут докричаться друг до друга, – думал он удивленно. – Смысл, вложенный в слова, редко проходит проверку на сравнение. Каждый со своим собственным опытом... Всё равно что пожизненное заключение внутри самого себя».

– Что-то вроде телепатии? – поинтересовался Нейл на этот раз почти миролюбиво.

– Нет, – тот в ответ наметил дружескую полуулыбку. – «Телепатия», как ты ее называешь, считывает мысли, хочешь ты этого или нет. Неэффективно работающее сознание негерметично. Но это не твой случай, Нейл!

Голос старика звучал удивительно мягко. А он кивнул, соглашаясь:

– Ну разумеется...

Кажется, они могли разговаривать вполне нормально. Наверное, пришло время спросить, откуда тот знал его имя.

– Назови это просто “знанием”, – проговорил незнакомец.

Нейл не был вполне уверен, что понимает его, но снова согласился. Конечно... Знание... Это когда внутренний голос перестает мысленно артикулировать ограничивающие его слова, создающие шум и хаос, и замолкает. И тогда в наступившей тишине открывается что-то совсем другое, и любой контакт становится прямым, мгновенным! А он выдумывал всё это прямо сейчас?

– Ты на верном пути, – старик, кажется, был удовлетворен его рассуждением. И что именно это должно было означать?

Два путника, встретившиеся в полной тьме...

– Ольсмин?... – неловко пробормотал Нейл и осекся, ошеломленный. Так звали старика?!.. Что-то вроде музыкального аккорда, прозвучавшего внутри него. Знание имени незнакомца ошарашило его. Он мог бы усомниться, так ли это, но тот подтвердил, едва кивнув:

– Я рад, Нейл.

Вслед за этим... Нейл ощутил внутри чувство глубокого комфорта и полное спокойствие. Впрочем, ненадолго. Как ему пришло в голову имя старика?! Конечно, при условии, что того действительно так звали! А он словно не мог решиться, к какому берегу ему пристать.

– Ты вспомнишь, не торопись, – заверил фальшивый старик, чье имя он как будто знал. И в словах его прозвучала

всё та же непонятная печаль. Нейл, борясь с собой, прикрываясь неловкой иронией, выдавил из себя, оглядываясь по сторонам:

– Настоящая глухомань. Верно? Кажется, мы здесь на окраине миров!

– Пятый Уровень, Нейл, – сказал тот, кивнув ему медленно. Или ничего не сказал... А затем вдруг, слегка оттолкнувшись, приподнялся в воздухе и совершил пару скользящих шагов по направлению к Нейлу, и плавно приземлился на крохотной песчаной прогалинке прямо перед ним.

– Такого не бывает! Абсурд... – растерянно пробормотал Нейл вслух и добавил внутри себя: «Мы глючим? Не иначе как какой-то дурман... Трава!»

Ну конечно, трава. Как ему в голову не пришло! Какая-то местная «травка» – ядовитый дурмящий аромат. Взгляд его упал на цветущее поле сочных, мясистых суккулентов. Вот только, обвиняемый им капробротус, кажется, не только не производил галлюциногены, но и был вполне съедобным. Ботанику Нейл явно знал.

– Как это у вас получается?! – в дискомфорте он снова перешел на «вы».

– Как ты себя чувствуешь, Нейл? – ответил тот вопросом на вопрос.

С чего вдруг его это так интересовало? Нейл смотрел на незнакомца (которого знал!) подозрительно, и самые нелепые предположения мгновенно прокрутились у него в голо-

ве: «Какой-то эксперимент? Ну да... И место такое, безлюдное! Телепатия, левитация... Что еще?!»

Ну, ясное дело... Он сбежал от них, теперь они попытаются вернуть его назад! Куда? Туда, откуда он сбежал, разумеется! Какая-то лаборатория... «Военный объект? – предположил он внутри себя. – Секретные испытания на подопытных!»

Он... – испытуемый? Если они прислали одного старика, значит, пока надеются на его добровольное возвращение. Но что за маскарад! Бред какой-то! (Он шизофреник или сам старик тронутый умом?!) И в этот момент старик захохотал громко.

Тот хохотал так громко и искренне, что Нейл начал вдруг тоже смеяться, зараженный его смехом. А все его приготовленные вопросы рассыпались и запрыгали хаотично, будто мячики.

Как это тот сказал? Знание... или «понимание»? В отличие от настоящего понимания, словесный код, несомненно, суетлив и требует постоянных пояснений. Перерасхода энергии! И иногда кажется, что лучше поменьше говорить – понимания было бы больше.

А из этих рассуждений он сделал вывод, что вопросы словесности не оставляли его равнодушным. Возможно, на самом деле он был не столько ботаником, сколько лингвистом. Чем именно он занимался и почему оказался здесь? Лингвистическая экспедиция? Его словно осенило: «Ну да, конеч-

но, собиратели фолклора... Свихнувшийся языковед-диалектолог!» И в этот самый момент что-то произошло. Что-то очень странное: его личное время вдруг как будто приостановилось, а россыпь летящих мячиков-слов замерла в воздухе. Это было его первое, как бы пробное, видение!

3. Лишь пробное видение

... Словесные творцы – боги своего рода, создающие в себе мир, пытающиеся оживить слова. Создатели собственных миров, бледной тени реальности. Двумя-тремя ударами они обкалывают кремень фраз или, подобно ювелирам, выполняют более тонкую работу. Как если бы зрелый мастер воспользовался красками и кисточками из детского набора! Брошенный себе вызов, эксперимент? (Слово «эксперимент» уже дважды его поразило.)

Нейл подумал это и... просто вошел в свое первое видение! Там, в какой-то другой реальности, старик протянул ему руку, другой указывая в сторону входа, возникшего как из ничего. Они оба вошли в него и – оказались в некоем лабиринте.

Уже после Нейл размышлял, что не он, а будто его мысль «вошла в лабиринт». Однако все возникавшие образы были вполне живыми, вполне реальными.

Свернув за первый поворот, он оказался перед человеком, который сидел посреди коридора, но и... как будто перед входом в пещеру! Молодой, но зрелый мужчина в полном рас-

цвете сил: темноволосый и бородатый. Обнаженный по пояс парень сосредоточенно бил камнем о камень, занятый изготовлением какого-то примитивного орудия, и совсем не казался Нейлу дикарем. Всего лишь человек, вынужденным пораскинуть мозгами и применить сноровку, чтобы как-то выжить на планете, которая, вдруг оказалась для него «совсем не добренькой тётей». В пещере, послужившей укрытием паре молодых семей, его ждала женщина – совсем еще девчонка! – мать их двоих голодных детей. Что это символизировало?.. «Скульптор слов»? Но слова, по-видимому, уже давно существовали. Всё с нуля.

А Нейл свернул за поворот лабиринта, потом еще, и еще раз свернул... Он сам решал свое направление, или лабиринт направлял его? Другого человека Нейл увидел со спины; одежда на нем была какого-то странного покроя. Тот сидел, скрестив ноги, на плиточном полу и тасовал перед собой не то детские кубики, не то стаканчики, как маг-фокусник, предлагающий угадать, под которым из них спрятана монета. Вот только ритм движений его рук был нереально быстрым! В этот момент человек закончил свое дело и торжествующе вскинул обе руки вверх. Из кубиков сложилась картина, как образ, возникший из слов. Всё усложнялось... или наоборот упрощалось? Нейла отступил и свернул в коридор направо. Свернул еще и еще, и еще – множество раз; казалось, это были кадры ускоренной съемки!

И дальше перед ним сидели уже два человека, вполне

обычные современные люди. Посреди коридора лабиринта, каждый за своим письменным столом, спиной друг к другу, занятые разгадыванием, как кроссвордов, каких-то придуманных ими же самими историй.

Придуманных? Перед одним из них стояли, сгрудившись, их персонажи, уже отчаявшиеся докричаться до своего «создателя». Нейл, видевший со стороны все их тщетные усилия, приблизился к группке... И сам не зная как, – как grossemeister подсказывает новичку следующий верный ход, – из жалости разрешил их проблему в один миг! А человек за столом, в упор не видевший Нейла, распрямился, и на лице его читалось сильнейшее удивление: что за невидимый партнер играл с ним в четыре руки?!..

Но со вторым творцом дело обстояло гораздо сложнее: тот мучился поиском недостижимого совершенства, ему нельзя было ничем помочь. «Слова... – думал Нейл рассеянно, отстраненно. – Не несут в себе полного понимания, как их ни шлифуй, ни расставляй! Каждый за одним и тем же текстом поймет что-то свое».

На этом мячики слов, зависшие у стены, осыпались вниз и уже опять скакали по полу.

Но что это было?! Он, потрясенный странным опытом, спросил, глядя в упор на человека, стоявшего перед ним, казалось, уже целую вечность:

– Кто вы?!..

И на этот раз намеренный выжать из него любой ответ.

Ольсмин (или как там его звали!) сейчас, наконец, выложит ему все «правила игры»! Ведь это какая-то игра?!

Нечто похожее на пучок света, который он яростно метнул в сторону незнакомца. Но странный старик не уклонился, принял на себя гневную вспышку, лишь протянул руку в направлении левого плеча Нейла. А он почувствовал себя, как убаюканный в детстве... Поддержанный на плаву... Это когда уже нет собственных сил плыть! Дружеское, отеческое объятие.

– Как ты себя чувствуешь, Нейл?..

У него было странное ощущение. Все его мысли успокоились, а он расслабился, отдавшись на волю некого мысленного потока. Лежал на спине, и этот поток нес его неизвестно куда. Расслабивший все мускулы и устремивший взгляд вверх, Нейл видел над собой небо, подернутое клубящейся дымкой, которая то сгущалась, то утончалась, а иногда и почти рассеивалась. Он думал, что вот-вот увидит его чистым, ясным, но опять лишь дымился призрачный туман. И всё, что ему оставалось – стать на время частью этого потока, уносившего его куда-то. Уносившего... А он впервые подумал о «сиддхах».

Сиддхи, существующие где-то, погруженные в некое глубокое, безграничное чувство покоя, самодостаточные... Сад... Ну конечно, он помнил Сад! Даже смутно улыбнулся от одной только мысли, что всё это где-то реально существует. Сколько времени прошло? Вернуться в Сад, отдохнуть...

Он нуждался в отдыхе – много лет отдыха!

Нейл был дезориентирован. А поток нес его, как упавший листок, убаюкивая... На берегу застывшая фигура старика превратилась в подобие изваяния... Незнакомец стоял неподвижно, в своем необычном, струящемся одеянии, со струящимися и поблескивающими волосами и странно, очень странно, лучащимися глазами... Но тот действительно совсем не был «стариком»! У него было как бы много разных возрастов, смешавшихся в нем. Вот еще одна странная фантастическая мысль!

– Кто вы? Кто ты? – на этот раз Нейл спокойно скандировал слова. А тот снова ответил вопросом на вопрос:

– И где же ты был, всё это время, Нейл?..

Теперь и он стоял на берегу; они стояли друг напротив друга, только по разные стороны потока. Медленно текущие воды привлекали и завораживали взгляд Нейла. Они текли как бы из ниоткуда и в никуда. Полностью забывшись, Нейл пошел вдоль этого потока. Входил в него и шел вброд, а иногда погружался в течение и как бы пропускал его сквозь себя. Возникали какие-то образы. Сколько времени прошло? Ему пришло в голову: «Древняя река Меандр?.. Символ вечности». Затем он оглянулся и – увидел перед собой бескрайнюю равнину!

4. Как камень, спящий в холодной пустыне

... Каменистая холодная равнина была замкнута на гори-

зонте низкой грядой гор. Ледяной ветер, гулявший на пустынном просторе, трепал ему волосы, налетал сильными порывами, чуть не валя его с ног, развеивал длинный балахон на нем, а холод пронизывал его до костей. Пока он, противостоя ему интуитивно, не поставил на себе «энергетический заслон». Его внутреннее пространственное зрение было ограничено и помогало ему лишь на расстоянии тридцати, от силы пятидесяти, километров: слишком много интерференций!

Так он стоял на сильном ветру... а затем лежал на боку, согнув ноги, подтянув колени к груди. Теперь ему было лучше: он как будто меньше весил и меньше чувствовал камни, поначалу неприятно врезавшиеся в бок. И постепенно начинал исчезать, становясь таким же серым камнем, затерявшимся среди других, одним из множества, рассыпанных по зандровой равнине, у подножия древнего ледника.

Подобия пепельных лишайников подбирались к нему со всех сторон: некий серый «мох»... не мох... рос, заплетая небо над ним, погружая его будто в мягкую нору. Ветер, все усиливавшийся, проносился со свистом, стелился и завихрялся, гудел среди камней, но лишь едва задевал эту плотно сплетенную звездоподобную паутину. А многочисленные звездочки сплелись между собой так крепко, что ветер бесполезно пытался сдернуть с него это покрывало и прорваться к нему. И каждый раз, после очередной безуспешной попытки, уносился прочь ни с чем, даже как будто потеряв часть

своей изначальной силы, в недоумении. Всего лишь какой-то валун, их столько вокруг!

Камни издавали звуки, гамму звуков, однако не было вблизи никого, кто мог бы услышать и оценить их почти органное звучание. Один лишь он слышал и расшифровывал его по-своему, перед тем, как погрузился в подобие сна. Звучала убаюкивающая симфония фонолитов, начинал накрапывать дождик. И камни по-своему принимали его, делили с ним накопленную энергию; он стал вместе с ними частью этой холодной пустыни.

Тепло, уют... Теперь ему было совсем хорошо. Сквозь мягкое, узорное паутинное покрывало Нейл видел высокое дымное небо, летевшее мимо... А капли дождя становились всё тяжелее... Но он позволил долететь до его лица лишь легкой водяной пыли от первых разбившихся над ним в воздухе, еще не зная, как справиться с вот-вот готовыми хлынуть потоками воды. Молнии падали попеременно, то здесь, то там, и – за цепью далеких гор. Он, наконец, «засыпал»... Не обычный сон: как бы уходил еще глубже, всё глубже в себя. Молния расколола небо высоко над ним и как гигантским прожектором осветила потемневшую равнину до самой дали. Гром – не какие-то далекие отголоски, оглушительный, над самой его головой – казался некой гигантской силой, искавшей именно его, Нейла, по всей равнине, упорно и ожесточенно, остервенело, с непримиримой ненавистью. Он же спал тем другим типом сна. И заряд постепенно ослабе-

вал, враждебный штурм, не достигнув его, превращался в нечто другое: вода вдруг обрушилась потоками, чтоб залить и смыть его прочь. Но его не было!

Был камень, закутанный в пушистую, водонепроницаемую паутину, а вокруг него – ручьи, потоки, размытая земля и мелкая галька... Лишь крупные камни еще как-то удерживали оборону, и он, образовавший вокруг себя сухой островок. Гроза гремела еще долго.

Потом... сквозь плотные струи ливня и разряды молний пришла она, его сестра! Единственная, как никто другой, способная нарушить его стазис-паузу, подобие... но лишь подобие приостановки жизни. На самом деле, между ними были сотни километров! Мощная энергия грозы помогала их встрече. Сестра касалась теплыми ладонями его ладоней, спрашивала: хорошо ли ему сейчас, надежно ли он защищен, прочен ли его энергетический заслон? И сделала попытку передать ему часть своих сил, но он воспрепятствовал ей, зная, что она сама нуждалась в них, и может, даже больше, чем он!

Она осталась с ним на всё время долгой грозы. Они ушли куда-то вместе, сквозь толщу каменного грунта, в подземелье, неся с собой свой собственный свет, подобный светлomu пламени. В то время как где-то далеко лилась и лилась вода... И находились там долго, иногда в полном молчании, в понимание без слов. Свет колебался и играл на темных волосах сестры, отливавших цветом красновато-золотистой бронзы. А он знал ее целую вечность – не просто как «земную сест-

ру».

Видение промелькнуло в нем мгновенно. Нейл подумал, что не смог бы передать всё виденное и свои ощущения словами, а если бы и попытался, то на это ушло бы слишком много времени.

Как может человек понять то, что видит и чувствует внутри себя другой человек? Слова очень условны, универсальны лишь эмоции, нейронные связи так же индивидуальны, как отпечатки пальцев! А поэтому у каждого своя правда, связанная с мелкими отклонениями в физиологии. И каждый видит в другом отражение своего собственного несовершенства. Способный отчасти встать на его позицию, но не стать «тем другим».

И еще подумал: «Хороший актер не надевает маски. Играя, он сам становится маской и думает, и чувствует иначе». У Нейла было четкое ощущение, что в прошлом ему не раз приходилось менять роль и становиться кем-то другим. Ну да, актер... А может, биолог! Или, нет, скорее лингвист. Список его предполагаемых профессий рос. Какой же была маска, которую он чаще других надевал на себя? И чуть не рассмеялся вслух: «Маска человека, конечно!»

Нейл стряхнул с себя задумчивость. Заметил ли старик, что он совсем ненадолго забылся? Видение не только пронеслось в нем, а унесло его самого куда-то на неисчислимые мгновения, в то время как он стоял здесь и бездействовал. Что они оба тут делали? С чего вдруг его, Нейла, начало глю-

чить?! Кто еще находился в лесу, и сколько их там было? «Сиддхи»! Прежде ему в голову пришло это слово. Сиддхи – «особые способности» или что-то совсем другое...

– Вы... сиддхи? – произнес он почти утвердительно, слегка озадаченный своими собственными словами.

– Мы можем называть себя и так... Мы те, кого ты ищешь, Нейл, – ответил тот уклончиво.

– Я... тоже сиддх?

– Ты настолько забыл самого себя, Нейл?

Если он сбежал из сумасшедшего дома, тогда «старик» был всего лишь переодетым санитаром! И всё сразу становилось на свои места. Наряженный магом, тот потакал его, Нейла, шизоидным фантазиям! Ну да... Чтоб без проблем сопроводить его в лечебницу!

Нейл ухмыльнулся. Потом нашел для себя оправдание: шизоид – это ведь не обязательно шизофреник. Всего лишь тот, кто пытается защититься от внешнего мира, претендующего на его жизненную энергию. Вот, очередная странная мысль! А старик действительно читал его мысли?!..

– Ты сказал, что знаешь меня? – Нейл попытался как-то изменить ход их разговора. Но человек ответил ему иронично, улыбнувшись:

– Я в самом деле это сказал, Нейл?..

Глаза его переливались на свету, переливались странно. Он смеялся над ним?! Нейл был снова порядком раздражен:

– Мы можем поговорить нормально, верно?! – спросил он

С ВЫЗОВОМ.

– Нормально? – фальшивый старик снова усмехнулся. – Хорошо. Как же ты предпочитаешь разговаривать, Нейл? Выбери удобный для тебя способ! Какой язык ты сейчас предпочитаешь?

На каком языке они до сих пор говорили?!.. Нейл неожиданно почувствовал себя полностью дезориентированным. В какой точке Земли они находились?! И какого рода амнезия его поразила?!

Он устал от сложившейся ситуации и от того, что время от времени его мысли начинали бродить бесконтрольно. «Так и есть, всё лишь болтовня! Укоренившаяся привычка болтать попусту!» – подумал он. Ему вдруг вспомнились те тупики, которые время от времени нарушают любую беседу, и внезапное ощущение пустоты. Слова закончились, иссяк глубинный источник. И с ним подобное случалось? Приходилось ли ему когда-нибудь, прервав беседу, почувствовать досадную нехватку слов или просто бессилие перед их неспособностью выразить то, что было внутри него? И вообще говорил ли он часто с кем-то? Были ли у него друзья с которыми, может быть, вчера он приехал сюда, на море? (Им было хорошо вместе, весело?) Друзья, которые кинули его здесь одного! И всё это оставалось без ответа. Зато старик утверждал, будто знал о нем что-то... Или нет, кажется, тот ничего не утверждал! Он или вообще ничего не говорил, или говорил какими-то загадками.

И сколько же времени ему понадобилось на это новое странное размышление? Бессловесный канал общения не нуждается в накоплении информации, как не нуждается и в новых впечатлениях, а всего лишь в периодах длительно-го абсолютного молчания. Ухода. Его энергия пополняется в одиночестве. Уж не был ли он, Нейл, отшельником своего рода?..

Странно, но что-то в этом предположении показалось ему очень близким к истине. Да нет, он всего лишь рассуждал. Канал бессловесного общения чем-то похож на голос интуиции... Беззвучный голос, но только более ясный! Безупречные мгновенные прозрения, многоцветное видение, глубину которого можно регулировать.

Ольсмин смотрел на него прямо и неподвижно, и одновременно как бы сквозь него, отстраненно, словно задумчиво прислушивался к чему-то внутри самого себя. Затем спросил его:

– Ты не пойдешь со мной никуда, пока я не расскажу тебе всё? Верно, Нейл?

– Верно! – с готовностью согласился Нейл, ожидая услышать от него рассказ.

– Я никогда не смогу рассказать тебе то, что ты не хочешь услышать, – заявил тот.

– Почему? – спросил Нейл, удивленный и порядком раздраженный.

– Ты просто не поверишь мне.

– Попробуй!

– Я не могу это сделать, потому что ты поставил на себе «заслон». Но назови это как хочешь!

– И что это значит? – настаивал Нейл.

– Ты заперся от самого себя. Я не могу сказать тебе то, чего ты сам не хочешь знать!

– Понятно... – медленно проговорил он, конечно, ничего не понимая, потом, помолчав, произнес: – Неправда!

Тот кивнул, подтверждая сказанное:

– Это стена, Нейл, я вижу ее. А мне не пройти сквозь воздвигнутую тобой стену твоего нежелания!

Нейл был вынужден сдаться:

– И как же я, по-твоему, могу снять с себя этот «заслон»?!

– Ты сам должен это сделать, Нейл. Должен! – сказал и повторил с уверенностью старик.

Однако, что-то было не так... Каким образом тот узнал про его амнезию? Ведь Нейл ничего ему об этом не говорил. Ну да, конечно, он понимал его без слов!

– Ты собираешься отвести меня в Сад? – спросил он напрямую, не вполне понимая, о чем говорит. (Что за Сад?! Просто это было первое, что пришло ему в голову.)

– Ты помнишь его?! – воскликнул тихо Ольсмин, как бы пораженный его словами. А Нейл задумался и ответил честно:

– Что-то такое... Не совсем. Это далеко отсюда?

Он действительно вспомнил какой-то «особенный Сад».

«Сад», с большой буквы – так он воспринял сказанное внутри себя. А может, речь шла о парке при психиатрической клинике? Искорка скепсиса вспыхнула в нем и погасла.

Старик медленно, понимающе кивнул, глаза его как-то печально потемнели. Странное свойство менять цвет! До сих пор Нейлу казалось, что глаза у старика были очень светлые, они буквально лучились, а сейчас наоборот поглощали свет, бездонно-темные, как два колодца черного обсидиана! Но Нейлу было уже всё безразлично. Он оглядывался вокруг себя в поисках за что зацепиться, подтвердить, что всё происходящее с ним сейчас – реальность. Сопки песчаных дюн вокруг уже освободились от тумана, слабо шелестело мелководье, гудели пчелы над прибрежным шиповником, а тернистые пустоши расстилались до лес вдаль... И заросли лечебного, съедобного капробротуса под ногами... Две чайки перекликались над водой. Вокруг ни души! В любом случае лучше было пойти вместе со стариком, куда бы тот его ни завел, чем оставаться здесь. Пусть только обучит его своей «технике полета» над сплошным ежевичником! Нейл отвлекся, в то время как тот говорил ему что-то:

– ... почти приняли тебя за человека...

– За человека?! – переспросил он, уже порядком утомленный всем этим. – А... ну да, конечно! Понимаю. Здесь поблизости, есть какие-то населенные пункты?

Он намеренно постарался оставить в стороне разговор «о Саде и о коммуне сиддхов». Наверное, у них там есть ка-

кие-то транспортные средства, или они объяснят ему, как добраться пешком до ближайшей деревни. Места, судя по всему, глухие!

Говорил, а сам вспоминал. Деревни... Несколько каких-то рыбацких семейств, разбросанных на многие десятки километров одна от другой. И не крепкие, зажиточные селения, а настоящие хибары! Есть ли у них телефонная или хотя бы радио связь?

Откуда брались все его знания – он сам не знал. А звонить он мог разве что в службу спасения. Ни бумажника, ни документов, никакого гаджета в уже проверенных, пустых карманах не оказалось.

Однако, что ему лезло в голову? Селение в лесу... Лачуги у моря... От селения до селения несколько часов утомительной ходьбы по лесу. И легче, кажется, доплыть на лодке, чем пробираться вдоль берега. Сам не зная как, он «видел» всё это внутри себя. Как будто в голове у него установился телевизор!

Должно быть, он действительно был этнографом, оторвавшимся от своей экспедиции. Или... в составе геологической партии изучал эти места. Но разве он не был до сих пор ботаником?! Нет, судя по его воспоминаниям – скорее собиратель фолклора! Он что-то знал об укоренившихся местных предрассудках. Здесьние люди... Они не слишком доверяли лесу, в котором чувствовали «некие присутствия»! И тропы в нем странно быстро зарастали. «Магический лес»?.. Спя-

тивший этнограф, у которого, к тому же, были явные нелады с географией! Но на этом Ольсмин неожиданно прервал его размышления:

– Мы задержались, Нейл! Но в этом была необходимость. В тебе оставалось так мало энергии, что мне потребовалось некоторое время, чтобы восстановить ее! А иначе я не смог бы даже приблизиться к тебе. Теперь мы можем идти.

Старик нес какую-то ахинею, но Нейл не стал особо разбираться. Безумец или игрок, увлеченный своей ролью? Ему же всё это было уже безразлично, лишь бы выбраться отсюда и поскорее!

– Ладно, – сказал он, выражая свою полную готовность. – По пути, может быть, расскажешь мне что-нибудь? К примеру, кто такие «сиддхи»...

Но он сам же подсказал незнакомцу это слово! Сиддхи – особые способности людей: человек может достигнуть божественного состояния путем духовного роста и упорных упражнений! Однако есть еще сиддхи-боги. А это совсем другое! Ну да, «боги»... бывшие когда-то «людьми других Вселенных». Обитатели райских планет? Круто! И кем же они, там, в лесу, себя воображали? Он ухмыльнулся. И тут ему в голову пришло совсем другое:

– Ты что-то знаешь о моей сестре?

Вопрос на засыпку! Если тот ничего о ней не знал...

– У тебя никогда не было сестер, – тот смотрел на него печально и пристально, всё тем же как бы несфокусированным

взглядом. А когда Нейл был уже готов торжествовать, добавил: — Я понимаю, что ты имеешь в виду Мети. Она ушла, Нейл!.. Давно. И с тех пор мы ничего о ней не знаем.

Ее звали Мети! Он был в легком шоке, так как странное имя было совсем не новым для него. Конечно, богиня мудрости, Метида. Океанида Метис!.. А он иногда шутил по поводу ее мифического имени.

Как давно она исчезла? Может быть, тоже сбежала из Сада!?!.. Нейл молчал, сильно смущенный, и голова у него буквально шла кругом!

Конечно, она не была его сестрой! Но он не слишком любил разные романтические словечки вроде... «единственная», «предназначенная»! И потому, шутя, называл ее сестрой! Где она сейчас? Что-то говорило ему, что они не просто «расстались вчера вечером». Всё ли с ней было в порядке?!.. Вместо того, чтобы задать какие-то вопросы странному старику, он попытался прислушаться к собственному внутреннему голосу. Но голос молчал, а на душе у него было не очень спокойно.

Она, «не сестра», любила рассказывать ему свои сны! Он вспомнил это сейчас. И что еще он помнил о ней?.. В ней было что-то всегда его восхищавшее. Особая гармония. Та, которую нельзя ни описать словами, ни вычислить математически; по поводу которой люди могут философствовать, которой могут посвящать картины и поэзию, но ускользающая от понимания. От человеческого понимания, разумеется! И

вспомнил, что она ему говорила: «Мы здесь чужие, Нейл!»

И еще, вдруг вспомнил один сон, который она ему когда-то рассказывала!

5. Сон, рассказанный «не сестрой»

... Во сне... Мети на площади небольшого городка раздавала проходившим мимо людям какие-то свитки: свернутые в трубочки приглашения на местный праздник, который должен был состояться там вечером.

Итак, она рассказывала...

Я не имела к этому никакого отношения: просто проходила по площади, и кто-то, приняв меня за «обыкновенную девушку», остановил и весело предложил мне принять участие в их мероприятии. Они запаздывали с раздачей приглашений и нуждались в волонтерах. Для меня это была пустая потеря времени, неоправданная задержка в пути, но отчего-то я охотно взялась им помогать, сама еще не зная, почему. И была уверена, что всё дело лишь в моем любопытстве, ведь я никогда ни в чем подобном не участвовала. (На самом деле причина была!)

Даже не заглядывая в сверток, я уже знала что именно там было написано: сбор – по не вполне понятному для меня поводу – на площади, в большой таверне при винном погребе, этим вечером. Какой-то благотворительный ужин или просто застолье, на которое приглашались все желающие, в том числе посторонние. А значит и я! И мне захотелось хоть

краем глаза взглянуть на это дружеское человеческое собрание: за дубовыми столами, при колеблющемся теплом свете зажженных светильников... Это должно было быть весело и красиво! Мне давно не хватало чего-то такого.

Еще не зная, смогу ли я задержаться до самого вечера и принять участие в событии, я приложила все искренние усилия, чтобы вручить как можно больше листовок с приглашением. И атмосфера была на редкость приятная. Никто не удивлялся присутствию чужой, никто даже не спрашивал меня, кто я и откуда, так, будто я была уже принята ими, как своя. Это я думала уже потом... Неужели они, в самом деле, совсем не замечали, что я чем-то от них отличалась? Или я сама приложила усилия, чтобы не отличаться ничем! Всё шло гладко и мне было странно хорошо. Я даже подумала, что раньше была не совсем справедлива в отношении людей.

А тем временем что-то надвигалось... Что-то ужасное надвигалось на это селение. И неожиданно я почувствовала внутри себя угрозу: угрозу для этих людей. Так вот почему я свернула сюда с пути!

После недавних гроз, вызвавших сильные ливни, на горе, нависавшей над каменным селением, назревал большой оползень. Разумеется, никто не предчувствовал беду – никто, кроме меня. Люди продолжали беспечно готовиться к своему празднику, а я вдруг «увидела» внутри себя..! Грязевый поток хлынул по руслу и без того бурной речки, пересекавшей центр городка, и по его узким улочкам, сметая всё на

своем пути. Я видела разрушения, жертвы, картины в моей голове были ужасными. Затопление, тела погибших людей... Детей! Но что я должна была делать?!

Лучше сказать: что я сделала? Даже не знаю... Только каким-то образом я остановила всё это. Помню застывшую стену грязевой сели, медленно-медленно опадавшую. И помню их панику, хаос, бегство! Всё как замедленное, всё «как во сне»...

Нейл, но ведь это и был... Сон?!

А потом, позднее... Общее возбуждение и разговоры на площади... Неразличимый гул их слов. И еще... Многие из них смотрели на меня. Именно на меня. Но почему? Поняли ли они, что я сделала для них?!

Почему я не ушла оттуда сразу после этого? Сама не знаю.

Как ни странно, но свой вечерний сбор в таверне они решили не отменять. И лишь послали кого-то за околицу на разведку, чтоб убедиться, что угрозы для них больше не существовало. Возможно, жители городка хотели таким образом отпраздновать и свое спасение. А всё остальное отложили до утра, потому что приближался вечер, и уже наступили сумерки.

Тем временем окружающие всё больше косились на меня, а я... То ли не замечала, то ли просто не хотела замечать. Пока кто-то из ближе ко мне стоявших не пробормотал: как я могла знать, о том, что должно было случиться, и почему (если знала!) не предупредила их заранее? Но это был полный

абсурд. Что сказавший эти слова имел в виду? Скорее меня должны были спросить, как я смогла остановить грязевую лавину! Если только они поняли и поверили, что это сделала именно я. Они же думали обо мне что-то совсем другое, а я почувствовала себя под их взглядами как будто даже в чем-то виноватой. Может быть, эти люди считали, что... мое присутствие каким-то образом спровоцировало и навлекло на них беду?! Но как такое возможно?! Я даже мысли не допускала, что они способны на подобное подозрение.

Нет, никакой благодарности я не ждала, конечно, но не ожидала и этих абсурдных обвинений. Впрочем, они не были высказаны прямо, а я колебалась: уйти или всё же остаться? Остаться и взглянуть на их праздник, в подготовке которого и я принимала участие. Это могло бы загладить неприятное впечатление, оставленное опрометчиво брошенными кем-то словами. Да, кто-то косо на меня взглянул, но это было недо-разумение: эти люди не могли меня в чем-то обвинять!

Кажется, я была немного дезориентирована... Помню, как я отошла в сторону, чтобы взять свою сумку, которую я до этого просто оставила на скамейке, доверившись царившей дружелюбной атмосфере. Впрочем, в сумке у меня не было ничего ценного, но она мне нравилась: мягкая и легкая, красиво расшитая, на длинной лямке. Я достала оттуда гребень и стала медленно расчесывать волосы. И как бы отвлеклась немного... В той моей обычной особенной задумчивости.

Стемнело полностью, зажглись огни. Оглянувшись, я с

удивлением обнаружила, что осталась на площади совсем одна и даже не заметила, как она опустела. Но последние входившие в таверну люди еще толпились в дверях, готовые закрыть их за собой; никто из них меня не позвал! И никого – ни на площади, ни на прилегающих к ней улицах – не осталось, одна только я. А я оглядывалась вокруг, не зная, как мне поступить. Уйти, ни с кем не попрощавшись?.. Не только растерянная и нерешительная, но еще и достаточно наивная!

Но куда я шла? Не знаю, Нейл. Впереди меня ждал очень длинный путь, в полной ночной тьме. Но я не собиралась ночевать в городке, как не собиралась ни есть, ни пить вместе с его жителями. Кажется, я просто не нуждалась в этом. Оставалось простое любопытство – может, и вправду наивное – взглянуть хоть мельком на незнакомое мне времяпрепровождения.

Думая об этом, я рассеянно вплетала в волосы какую-то красивую тонкую веточку, что нашла у меня в сумке. Но потом передумала: было бы нелепо показаться перед незнакомыми мне людьми с веткой в волосах! И почему-то я всё еще надеялась не казаться им слишком странной.

И вот... Я пересекла площадь, чувствуя себя какой-то особенно легкой, почти невесомой. Легкая от потерянной энергии?.. Ничем не озабоченная, ведь ни этим людям, ни их празднику больше ничего не угрожало. Без сомнения, думала я, этот вечер должен был быть для них особенно радост-

ным: они не могли не понимать, какую трагедию только что избежал их городок.

Тяжелая дверь слегка заскрипела, когда я ее чуть приоткрыла, чтобы только заглянуть внутрь. Там было действительно светло, тепло и уютно. В камине, в глубине таверны, пылал огонь. Пир за длинными общими столами уже начался. И это действительно выглядело хорошо! Или, возможно... скорее всего... я увидела всего лишь то, что желала увидеть.

– Вот она!.. – громко и иронично, почти враждебно произнесла женщина, сидевшая ближе к двери, при выжидающем общем молчании, которое постепенно воцарилось с моим появлением. – А мы, по твоей милости...

Она не договорила, и не знаю, в чем она упрекала и обвиняла меня, но ее слова прозвучали обидно. До этого я разговаривала с ней на площади и мне казалось, что у нее хорошее, доброе лицо!

Не все смотрели на меня, некоторые, как мне показалось, просто избегали глядеть в мою сторону. В любом случае, они все чего-то ждали от меня. Наверное, ждали, что я уйду сама, по своей воле, как будто не решаясь открыто выгнать меня из их селения. Нейл, такого со мной еще никогда не случалось! Я была поражена, уязвлена их реакцией. Это потом уже, позже, все показалось мне почти смешным. Может быть, они даже боялись меня?! Нет, я не раскаивалась в оказанной им помощи, но не могла и не... Презирать их?! Я презирала!

Обидные слова и это общее молчание, согласие... Вот, глупые люди! Мне было больше нечего делать там, среди них. Поток грязи смел бы и эту таверну, и их жилища, но теперь они могли безбоязненно веселиться и пить свое питье, лишаящее их остатков разума!

Закрывая медленно и плотно дверь, я чувствовала лишь свое полное отчуждение, как бы изолированная... абстрагированная... от негатива, исходившего от этих людей!

(«Абстрагированный»! Ему уже приходило в голову это слово.)

Дорога передо Мети была темная и пустынная. А она должна была добраться куда-то, далеко, одна, в полном мраке! Но это не имело никакого значения. Ни время, ни крошечный мрак не препятствовали ей. И она была уже даже рада, что ушла из селения. На темной дороге, ей легче дышалось. Нейл понимал ее.

Однако он помнил, что она закончила рассказ немного грустная. Грустная и даже слегка разочарованная. «Давно случившееся» всё же оставило в ней свой след. Он выслушал ее молча, внимательно; ничто в ее странном рассказе не удивило его тогда.

Сон или некая притча?

Разве он сам никогда не испытывал примерно то, о чем она говорила? Верно! Некая глухая стена, разделяющая слишком непохожих. В отличие от нее, Мети, он был, наверное, менее эмоционален и, кажется, не испытывал описан-

ной ею горечи среди тех, от кого ему по сути ничего не было нужно. И всё же в каком-то смысле и ему это было очень знакомо.

Сейчас Нейл «видел внутри себя», сам не зная как! Рыбацкая хижина... Лачуга, в прямом смысле слова. У ее двери женщина с бронзовой от загара кожей была занята какими-то своими повседневными домашними хлопотами. Она разогнула спину, прикрыла глаза ладонью, вглядываясь в сияющую голубизну. Лодочка на воде, фигурка в лодке... А он не только видел, он еще и чувствовал каким-то образом то, что та женщина могла ощущать! Чувства ее были такими же простыми, как ее одежда и хижина. (В какой части света они находились?!) И еще... Его поразило мгновенное осознание, что он мог мысленно войти в чужое жилище и даже заглянуть в кроватку спящего там ребенка. Но не было желания вторгаться в чью-то жизнь. Более того, Нейл ощущал внутри себя то самое отчуждение, про которое говорила ему когда-то Мети. «Мети... «сестра»... – подумал он. – Где же ты теперь?!»

Те люди отличались от него, не потому, что эта была всего лишь простая рыбацкая семья, что-то другое, более существенное, разделяло их непреодолимо. И несмотря на это, чувства той женщины были ему вполне понятны!

Но как это возможно: находиться одновременно и там, и здесь?!.. Женщина не видела его, а он видел ее и не сомневался в том, что видел! И одновременно смотрел на Ольсми-

на, стоявшего теперь рядом с ним и глядевшего куда-то в сторону леса. И время тоже как бы разделилось на два разных потока. В одном Нейлу казалось, что он бездействует и медлит, в другом потоке видения буквально мелькали перед ним. А он воспринимал всё это спокойно, словно так и должно было быть!

Он мог бы – в случае крайней необходимости – заночевать у тех рыбаков. Наверное, он их знал и принимал за видение простое воспоминание. Возможно, ему приходилось когда-то прежде, в его рабочих поездках, оказываться в этих местах. Но ему казалось, что он никогда не испытывал такой острой необходимости обратиться к кому-либо за помощью. Разумеется, по роду своей деятельности, он должен был владеть техникой выживания в экстремальных природных условиях! А может, даже сам вел где-то подобный курс: преподавал «Навыки автономного существования». «Едва ли!» – подумал Нейл с полуулыбкой, скептически. А вот становиться почти отшельником ему, кажется, случалось и не раз.

Однако... Если он ни к кому никогда не обращался за помощью, как он мог представить себе подобную ситуацию во всех деталях? Да, они приняли бы его... боязливо. Почему, по какой причине те люди могли бы его бояться?! Уважение, своего рода. Он был способен сделать для них что-то? Не они для него, а он для них! Что именно?.. Нейл не смог себе вообразить. Люди, в этом его видении, казались ему крайне бедными и отсталыми, а это, вероятно, объясняло многое.

И так или иначе, какой-то прошлый опыт говорил ему, что лучше не задерживаться среди чужих тебе людей в чужом селении. А Мети могла быть не права в том смысле, что принялась помогать тем, кто не смог бы оценить ее помощь. «Но были бы жертвы, и погибли бы дети!..» – возразила она (тогда, когда они говорили об этом). Да, это временный мир, такова его суть! А вмешательство нередко ведет – как это ни парадоксально – к даже худшим последствиям, чем равнодушие и невмешательство! Особенно, если речь идет о вмешательстве в жизнь тех, кто совершенно не похож на тебя. Это бывает и опасно. Хотя они и очень тебя просят помочь им?.. Но о чем он думал?!

Конечно, они приняли бы его. И признали бы за ним право, принадлежащее подобным ему... «Подобными ему»?!.. Право оставаться среди них столько, сколько он сам захотел бы остаться. Но не были бы рады его присутствию и испытali бы облегчение, когда он решил бы уйти от них. И это точно. Слишком необычный гость: не ест с ними, не спит среди них! Интересно, как он мог... не нуждаться ни в чем! Эти странные фантазии поразили самого Нейла. Несомненно, он вполне владел техникой автономного выживания и не желал зависеть от кого-то, а тем более отягощать своим присутствием и без того нуждавшихся людей.

Странный гость, пришедший без троп, неизвестно откуда. Они приняли бы его без настоящей враждебности, но за стеной их убогости и равнодушия всегда тлела потенциаль-

ная угроза. Нет, не настоящая угроза для него! Для кого из них могла бы кончиться плохо попытка открытой враждебности?!.. Случалось ли с ним и такое? (Чужой, живущий не своей жизнью, в не своей роли. Много разных масок, много ролей и много жизней!)

И всё это пронеслось у него в голове в считанные мгновения. Нейл был как бы в своем собственном временном потоке; старик же на те же самые мгновения застыл рядом, в какой-то параллельной реальности, словно в ожидании его «возвращения». Нейл встряхнул головой. Нет, всё, хватит с него этих бредней! Он был готов идти куда угодно, лишь бы уйти из этих проклятых дюн, где у него явно развивался параноидный бред! Так что же старик ему предлагал в данный момент?.. Пролететь над тернистым полем?! Отлично! Он был готов.

6. Обучение сиддха

... Он сильно сомневался в том, что тропа вообще существует, однако не мог же старик в самом деле перемещаться по воздуху!

– Готов ли ты сделать хотя бы попытку? – спросил Ольсмин как бы в раздумье.

«Так и есть, – подумал Нейл, хмыкнув внутри себя заинтересованно. – Тропы нет, придется левитировать!» А вслух сказал, переводя всё на шутку:

– Освежи мне память, как это делается! – и еще, подумав,

добавил про себя: – Ты действительно читаешь мои мысли?..

– Не все, – старик слабо улыбнулся. – Ты же сиддх!

Ему показалось?.. Или тот снова ответил на то, что он не произнес вслух! Ладно, Нейл не возражал: пусть только расскажет ему правила игры. («Ведь это какая-то игра?!»)

– Ну и что же я должен делать?

А сам подумал: «Мы собираемся взлететь?!.. Бред!»

Ольсмин протянул ему руку ладонью вверх, как бы предлагая ударить по рукам. В Нейле сработал какой-то автоматизм: он протянул руку ладонью поверх ладони старика, заинтересованный, что именно тот намеревался делать. И промелькнула мысль: «К любой помощи ты должен быть готов. Недостаточно просто получить энергию, нужно уметь принять и поддержать ее самостоятельно, своим собственным намерением!»

Ощущение от этого маленького жеста было странным. Казалось, рука Ольсмина, и в самом деле, генерировала некую энергию! Мгновения снова растянулись. Тем временем мысли Нейла бродили, и ему вдруг вспомнился период, когда он блуждал, подавленный, потерянный, при свете солнца, но как будто в сумерках. Воля его была вялой, полусонной, но что еще хуже, это приятное, расслабляющее бессилие, состояние баюкающей депрессии, начинало ему даже нравиться. Энергия утекала из него... Что-то вроде забучих песков всё больше затягивало его в себя. Его «аккумулятор» был почти пуст. И он сам рисковал исчезнуть. Даже если Нейл не впол-

не понимал, что именно всё это означает, у него промелькнула мысль: не случись что-то... что с ним случилось... он еще долго скитался бы где-то, пока не сгинул бы незаметно без следа, блеснув как маленькая искорка в ночи.

Очевидно, рука Ольсмина была той «платформой», от которой он должен был оттолкнуться. Странная мысль заставила его сделать безотчетный рывок. И ничего не произошло! Конечно нет. Чего он ожидал?

– Еще раз! – старик перебил его мысли резко, но спокойно, как бы не позволяя ему усомниться в себе. Голос у него был ясный, приятный и очень-очень знакомый Нейлу. Но сейчас ему было не до голоса старика: тот уходил от него, почти не касаясь ногами земли, лишь задевая низкий ковер жирных суккулентов, с рассыпанными на них крупными, желтоватыми цветами. Нейл не верил собственным глазам! Могла ли и это быть всего лишь иллюзия?! Потом пришел в себя и бросился следом за незнакомцем, перепрыгивая через низкие травяные кустики и наступая на побеги крестовика, заплетавшего землю и наполнявшего воздух запахом корицы. А иногда зарываясь ногами в песок и скользя по камням.

– Подожди! – вырвался у него, запыхавшегося, раздраженный, сердитый крик. Тот собирался бросить его здесь одного!?! Однако, как это у него получалось?!..

Старик, игнорируя его призыв, легким полупрыжком поднялся еще чуть выше и продолжал плавно шагать дальше, не обращая на него никакого внимания. Нейл остановился в

растерянности и смотрел пораженный, не зная, что делать, всего лишь наблюдая невероятную сцену и вдыхая дурманящий аромат крестовика. Вот она, «дурь»!.. А голова шла кру́гом.

–Эй!!.. Эй!!! – крикнул он обозлённо, гневно, но уже и отчаянно. Без всякого сомнения, тот намеревался бросить его здесь.

Потом собрал всю свою волю в кулак, даже зажмурился, как мальчишка, подпрыгнул, не стыдясь собственной нелепой попытки, слишком захваченный происходящим у него на глазах. И снова – ничего.

– Вниз, вниз! Отошли ее вниз! У тебя есть воля, Нейл. Направляй энергию к подошвам ног, оттолкнись от земли. Ты можешь! – не оборачиваясь, Ольсмин говорил ему так, словно, находился рядом с ним. – Вверх, сейчас, вверх!

И пояснил спокойно (у самого его уха!):

– Воздушный слой сам поддержит тебя. Эфир, на самом деле. Ты не сразу погрузишься в него, если задашь себе нужный ритм. Ну же, Нейл, хотя бы попробуйся!

А Нейл чувствовал себя ребенком, которого отец учит плавать. Отец, не дающий поблажек. Ольсмин, говоривший с ним, на самом деле скользил уже далеко, над белесо-серой россыпью камней сухого речного русла. Что тот сделал бы, если б Нейл так и не смог последовать за ним? Исчез бы в лесу?!

– Бред!!!!.. – заорал Нейл вне себя отчаянно и, закрыв гла-

за, сосредоточился, рванулся. В голове его странно помутилось, и мысли спутались. Можно ли спать на ходу?.. Можно ли мгновенно заснуть?! Легкий шаг... Отрыв! И медленное погружение. А он, как ему и было сказано, постарался не задерживаться на месте. Лишь растягивал все больше шаги, плавные, размеренные. Задал сам себе определенный ритм: шаг, шаг, шаг...

Воздух не уплотнился, не стал каким-то другим, желейным, не стал «пневматической подушкой» под его ногами. Мир не замедлился, и сам он не ускорил свой жизненный ритм – нет. Нейл даже не подозревал, что всё может быть так обыденно просто! Сконцентрировал всю свою волю где-то у себя под ногами, и всё, что ему оставалось, – лишь поддерживать движение, как бы подзаряжаясь им.

В конце концов, «земное притяжение», если оно существовало, не оказалось чем-то таким уж не преодолимым, противодействующим его желанию. Казалось, они вошли в какую-то новую, особую синтонию, сбалансировав противодействие. Нейл больше не падал. И в нем не было желания приземляться.

Он ритмично скользил поверх низкой растительности, это не составляло большого труда. Напротив было легко и даже приятно; значительного усилия потребовал от него лишь самый первый рывок, который так долго ему не удавался. Движение действительно подзаряжало! Следуя за Ольсмином, Нейл уже почти нагнал его и теперь, в свою очередь, оказал-

ся над сухим каменным руслом, пересечь которое пешком оказалось бы не очень легко. Глядя себе под ноги, он обнаружил, что внизу, под ним, посередине широкой россыпи камней, чуть журча, струился мелкий ручей. Лес, словно выросший, придвинулся им навстречу; стоял, как обрезанный гигантским ножом. И заросли шиповника и прочих кустарников делали подступы к нему почти непреодолимыми.

7. Скромные метаморфозы

... Одурманенный полетом над безбрежным полем терний и над рябившей под ногами каменной россыпью, Нейл медленно опустился на землю, погружаясь в тот небольшой слой воздуха, что отделял его от земли. Затем встал рядом со своим спутником.

– Я не знал, что такое возможно! – пробормотал он, ошеломленный.

– Ты еще очень многого не знаешь, Нейл, – слегка улыбнувшись, мягко ответил ему Ольсмин.

Теперь, несмотря на свое недоумение, он испытывал энтузиазм ребенка, впервые прокатившегося самостоятельно на велосипеде. И даже не сразу заметил, что Ольсмин как будто раздумывает над чем-то, глядя на непролазную чащу. Что означал его озадаченный вид? Нейл надеялся, что тот знает какие-то секретные тропы, но, по-видимому, его спутник заблудился. Бывает и такое... А он попытался припомнить, был ли он сам хороший ходок по тропам или большую часть

своих путешествий проводил за рулем. Какое-то зыбкое воспоминание готово было вот-вот всплыть в нем.

Сосредоточенный на своей ускользающей памяти, Нейл едва заметил, как картина леса перед ними будто слегка дрогнула. Он принял это за струящиеся воздушные токи. И вспомнил что-то давнее, произошедшее с ним.

Однажды, бродя где-то в лесах, он, сокращая путь, оставил проторенную тропу. Поскользнулся и, потеряв равновесие, прокатился добрый десяток метров под откос, обдираясь о кусты, ломая сухой валежник. Да с ним ли это было?.. Кажется, наоборот, ему всегда нравились волчьи тропы, непролазные чащи, без протоптанных путей. Почему же сейчас ему вспомнился этот случай? Просто на долю секунды Нейл действительно ощутил, как ветви хлещут его по лицу, и даже инстинктивно вскинул руку, прикрываясь. Ощущение погружения в заросли было полным, мгновенным и головокружительным! А когда он открыл глаза, они со стариком уже стояли под сводами леса.

Уставший удивляться, Нейл молча вбирал в себя атмосферу, полную утреннего щебетанья птиц и светлых солнечных бликов. Какие-то шорохи в подлеске, жужжала и гудела мошкара... А Нейл, кажется, различал и понимал все звучания. Был ли он, кроме прочего, еще и зоологом?! «Энтомолог и орнитолог... Ну разумеется!» – ухмыльнулся он как всегда иронично. И тем не менее Нейл мог бы побиться об заклад, что каждый звук в лесу был ему хорошо знаком.

Чуть дымился широкий луч, пробивавшийся сквозь листву, добавляя утреннему лесу сказочное очарование. Чуть дальше светлая поляна была полна белых цветов. Рассыпался короткой дробью стук дятла. И где-то далеко, глухо куковала кукушка...

– Как это мы..?!..! – наконец пробормотал Нейл растерянно. Старик загипнотизировал его намеренно, чтоб он не заметил его секретную тропу, или же они действительно прошли напрямик сквозь плотную стену кустарников! Подозрительные мысли – злая мелюзга, круглые маленькие тролли – тут же живо запрыгали: «Недаром у него такие странные глаза... Старик – хороший гипнотизер, или действительно колдун! А скорее всего просто трюкач!» Ольсмин тем временем невозмутимо смотрел куда-то вглубь леса, потом сделал успокаивающий жест, будто отменяя все его сомнения:

– Мне нет необходимости гипнотизировать тебя, Нейл. Гипноз применим, разве что в отношении человека, чтоб заблокировать его агрессию. Впрочем, в этом мире люди крайне редко пытаются нападать на нас.

Какой мир он имел в виду? Тот продолжал говорить загадками: «люди», «не люди»... А теперь еще какой-то «другой мир». Конечно, это всего лишь игра!

– Всего семь земных уровней, Нейл, – пояснил Ольсмин. – Мы находимся на пятом... Но ты слушаешь меня невнимательно.

– Не мог бы ты как-то... отключиться от моих мыслей?

Игнорировать их, к примеру!

– Конечно, – согласился старик миролюбиво. – Конечно, Нейл.

– Извини, но я предпочитаю, чтоб мои мысли оставались моими, – проговорил Нейл, стараясь не показаться своему спутнику слишком агрессивным и не желая обижать старика.

– Твои мысли не заперты, – объяснил тот спокойно. – Когда ты вспомнишь себя лучше, ты всегда сможешь скрыть их, если захочешь.

– Как?..

– Со временем, не торопись, – старик утешил его, как ребенка.

– Хорошо... – согласился он мирно.

Тем временем его спутник мог бы рассказать ему, каким образом они продрались сквозь заросли, так, что он даже не заметил. А вместо этого...

– Отключиться от мыслей?.. – переспросил старик в явном затруднении, задумался, но потом слегка кивнул понимающе. – Конечно, конечно! Может быть, попробуем вот так?..

И чуть запрокинув голову, откинув назад свои длинные белые волосы, вдруг издал короткое рычание, настоящий рык зверя, пронесшийся далеко! После мгновенного ошеломления Нейл приоткрыл рот, чтобы выразить свое неподдельное изумление, но вместо этого, к собственному удивлению, невольно повторил за ним что-то очень похожее. Звук

заставил его вздрогнуть.

Не просто близкая к оригиналу симуляция, на один миг он вдруг «стал зверем»: чувствовал как зверь, понимал как зверь! А откуда-то из лесной дали ему смутно отозвались подобные ему «дикие души». Так, словно их объединяло что-то, и он сделался частью совсем другого мира! Ощущал этих тварей на каком-то другом уровне, но оставался одновременно собой и держал внутри себя совершенный контроль над «зверем». На пару мгновений лес словно оглушил Нейла, а старик хохотал от души так, что эхо разносилось далеко вокруг. Одураченный, Нейл стоял, не понимая, что именно произошло и хотел получить какие-то объяснения.

Лес... Нейл давно не видел такого здорового леса. Подобным он мог быть лишь вдали от жилья и от человеческой деятельности. А это заставило его усомниться в существовании какой-либо дороги. Лес, казавшийся совершенно глухим, стоял как зеленый храм, замороженный, в тонкой мистической утренней дымке. С многорукого, поразительно мощного столетнего дуба свисали голубоватые лишайники, любящие чистый воздух глубоких дебрей. А у Нейла приятно чуть кружилась голова, в подобии опьянения глушью.

И он опять не сразу заметил, что Ольсмин ушел вперед, готовый вот-вот скрыться за деревьями. Кинулся за ним, пытаясь нагнать старика, пересек вброд поляну высокого иван-чая, затем через заросли вереска, папоротника углубился вслед за своим спутником в лес. Местность шла слегка под

уклон. Всё больше папоротников, и вот уже целые его поля; раскиданные там и здесь мшистые валуны, и кое-где, в низинках, залегал еще не рассеявшийся сырой утренний туман. Передвигаться по лесу было нелегко. А Нейл, догоняя уходящего старика, бежал, забыв или не доверяя своей недавно открывшейся способности лететь! Лететь поверх полей папоротников!

– Эй!.. Подожди! – наконец окликнул он с разнесшимся по лесу звонким эхом. И оказавшись перед большим вывороченным с корнями деревом, остановился и залез на ствол, полупогребенный обильно разросшимися мхами. Боясь, что старик не услышит его, боясь потерять из виду его светлую, как будто ускользящую фигуру.

Но его спутник уже затерялся среди деревьев и не ответил, и Нейлу пришлось одному перебираться по камням через широкий мелкий ручей. Вокруг раскинулись заросли можжевельника, и редкая лесная орхидея поразила его взгляд, но ему было не до нее. За журчащим по глинистому руслу ручьем – лесок из остролиста, а за ним поднимались по новому взгорку сосны. И начинался сосновый бор – глухой, величественный, раскинувшийся по холмам: стволы, стволы... Рассыпалась еще одна барабанная дробь дятла...

Нейл не сразу определил заматавшимся взглядом местонахождение старика, уже на значительном расстоянии от него! В просторном бору его спутник как-то сразу отдалился; мелькал как светлая тень, готовая вот-вот окончательно за-

теряться, раствориться в легкой полупрозрачной дымке лесной глубины.

Тот снова летел!?!.. Нейл продолжал не верить своим глазам и, кроме того, боялся, как ребенок, остаться один в лесу, протянувшемся, кто знает на сколько сотен километров без дорог. Куда старик его вел?! Нейл, выбившийся из сил, уставший преследовать, приоткрыл рот, чтоб набрать побольше воздуха в легкие и крикнуть, но был вынужден отплевываться от выющего вокруг гнуса.

– Успокойся, – сказал голос рядом с ним, заставив его вздрогнуть. – Не бойся ничего. Я здесь, с тобой.

Дезориентированный тем, что голос старика прозвучал у самого его уха (а скорее даже у него в голове!) и стыдящийся самого себя, своих инфантильных мыслей и неадекватного поведения, Нейл сделал всего один неверный шаг... Заскользил по косогору, но не упал. С затуманенной головой интуитивно подался вперед, чтобы найти равновесие... И – кинулся в воздух! Бор в дымке... Новая дятловая россыпь.

Кажется, ему больше не нужны были дороги! Он пришел... был уже почти дома... на пороге... Покой, лесная тишь во круг. Нейлу требовалась небольшая пауза, переосмысление всего с ним происходившего.

– На самом деле... Как тебя зовут?! – крикнул он, прислушиваясь, не вполне уверенный, что старик слышал его и ответит.

– Ольс-... Ольс-... Ольс-... миииннн...!!

Рассыпалось эхо под сводами леса, долетая до него как бы со всех сторон разом – нечто непередаваемое. Слишком много шума для торжественной тишины зеленого лабиринта, зеленого храма! И опять – покой. Птичий перелив. Жужжание мух. Лишь временами смутный шум вершин. Шорох. Пробежал какой-то зверек... Лисица? Нейл едва успел заметить ее.

– Куда мы идем? – спросил он, невольно понижая тон, стоя один посреди леса, обращаясь как бы к самому лесу. И добавил:

– Как всё это происходит?!.. Как мы перешли через ежевичное поле? Вошли в лес без тропы! Говорим без слов...

– Слишком много вопросов, – заметил старик иронично. Нейл опять чуть вздрогнул: тот стоял рядом с ним. И это уже даже не особо его удивило.

– Начни хотя бы! – не унялся Нейл. – «Сиддхи»... Это особые способности? Вы йоги?

– Лучше сказать, мы «эоны».

Эоны? Тот, может быть, смеялся? Эманации Вечности, совокупность духовных сущностей! А все вместе – плерома. Несомненно, старик... не старик совсем, просто смеялся над ним!

– Ты поймешь. А пока смотри! – произнес Ольсмин, так ничего и не объяснив. Но Нейл не видел ничего необычного. Стволы мачтовых сосен уходили в высь, а под ними – подлесок остролиста и можжевельника.

– Смотри! – еще раз настойчиво призвал его Ольсмин, и куща будто придвинулась к ним. Нейл вдруг различил каждую ее зеленую веточку в отдельности и все их сплетения.

– Смотри, – в третий раз произнес тот спокойно, словно вытягивая его в необычное, более пристальное внимание. Чаща еще придвинулась, ветви и листья были прямо перед ними, а Нейл «вошел в нее», как одурманенный, пытающийся сосредоточиться. Глубокое сосредоточенное расслабление!..

Человек, заснувший в гамаке в летнем саду и внезапно проснувшийся... Совсем маленький ребенок, еще не встающий самостоятельно, которого мать положила на одеяльце под кустом... Глядящий вверх на листву над ним, пронизанную солнечным светом, замороженный игрой света и теней. Зелено-золотистый свет, мягко слепящий... Всплеск...

Что-то скользило по его лицу, щекам, по рукам и ногам, ласкаясь принимая его в свои объятия. Нейл стал как будто «текучим»! Вливался в свою стихию, сливался с ней и плескался, как в теплой воде. Некие сущности смотрели на него, наблюдали за ним – за ними обоими! Лицо Ольсмина, позелененное отсветами, в обрамлении бело-зеленых волос и в рамке листвы, проступило сквозь чащу. А существа глядели с нечеловеческим любопытством, нечеловеческими изумрудными и золотистыми глазами. И слышался гармонический хор, беззвучно звучащий внутри него, с которым он сливался через вибрации в каждой частице своего тела.

Затем возникло непреодолимое желание сильно потя-

нуться руками вверх, расправить и напрячь мускулы спины и плеч. По его рукам, до самых кончиков пальцев, и по позвоночнику побежали быстрые, легкие мурашки. Казалось, что в его временно онемевшем теле возобновлялись токи крови... или лимфы, прозрачной и светлой. Энергетические вибрации ветвились фрактально. В то время как он начал удлиняться, расти куда-то ввысь, преодолевая «гравитацию» и, одновременно, еще прочнее укрепляясь ногами на земле, как бы вращая в нее. А то, что он воспринял поначалу как мурашки, оказалось мириадами тающих в соприкосновении с ним, золотых искорок, «фотонов».

Они с Ольсмином выросли. Стали гигантами? Неожиданно Нейл сделался немного акробатом, немного фокусником. Ему показалось, что он каким-то образом перевернулся вниз головой! И не ногами, а руками, пальцами рук, все крепче, цепляясь за землю, вращая в нее и окуная лицо в ее мягкий сырой мрак, казалось, звавший его к себе, уютный.

Он покосился на Ольсмина: лицо старика стало большим, пухлым, очень бледным, странной пепельной бледностью; глаза закрыты, и какие-то белесые космы, похожие на ватную плесень, свисали вдоль лица. Но не было удивления, не было обычных человеческих чувств. А вокруг них сотни и сотни пещер и пещерок – лабиринт... И какие-то множественные красноватые огоньки... Нейлу хотелось остаться там, во мраке; он пытался различить голоса, прислушиваясь к шорохам, шёпотам, ропоту. Они что-то хотели ему сказать, но чтобы

расшифровать значение произносимых ими слов, нужно было время.

Пещеры разветвлялись, уходя в глубь на десятки и десятки, а то и сотни километров. А Нейл был деревом, протягивавшим под землей свои корни, и одновременно был самим собой. Он сделал всего несколько шагов, обернулся и обнаружил, что странно быстро удалился от своего спутника. Ольсмин был уже очень далеко и, кажется, делал ему знаки вернуться. Теперь он видел фигуру старика полностью: в светлом одеянии, словно обесцвеченном, блеклом. А с другой стороны его глаза все больше привыкали к мраку, и все ярче и причудливее было хаотическое, феерическое движение огоньков вокруг него. Целые их россыпи и скопления на тонких и толстых паутинных сплетениях, там, здесь, свисавших, заплетавших стены и потолки подземелья.

Казалось, мир поделился на два. С одной стороны был Ольсмин, бледный, казалось готовый вот-вот растаять. С другой – целый подземный мир с множеством сливающихся голосов, дружественных, и не совсем, готовых принять его, прогнать, зовущих, предупреждающих, грозящих, утешающих шепотом... А он колебался, охваченный сомнением, теряясь в путанице корней и корневищ... Когда теплая рука старика, будто шаря в темноте, нашла его, взяла за плечо и – вытащила из мрака на свет!

И он вынырнул из студенистого, желейного мрака в золотисто-голубые воды. Океан фотонов! И из акробата превра-

тился в фокусника: из его пальцев распускались и разворачивались зеленые веерки и веера: сначала в зародыше, сморщенные, помятые, затем новорожденные, деликатно нежные и светлые. И наконец, во всей своей красе и совершенстве – листья, развернувшиеся полностью, пронизанные солнечным излучением, почти светящиеся и покачивающиеся в легких воздушных токах. Потом зашумела и зашевелилась густая листва в подобии эйфории.

Нейл ощутил такую головокружительную легкость, что казалось был готов «вспорхнуть с самого себя» с одним взмахом крыльев, поддержанный упругими воздушными течениями. Мир как бы дрогнул на долю секунды и изменился, затем открылся какой-то совсем другой мир. А они оба, он и Ольсмин, вошли в него на иных правах, увидев всё вокруг себя по-новому.

Масса незнакомых ощущений захватила Нейла: восприятие воздуха, как среды более надежной, чем земля внизу и желание подняться еще выше, но и не слишком удаляться от вершин деревьев, в которые можно было бы при необходимости нырнуть! А он глядел сверху отстраненно на всё происходящее внизу под ним, готовый в любое мгновение кинуться в воздух, в полет. Свобода без страха высоты, понятие несуществующее, но откуда-то, странным образом, смутно ему знакомое. Свобода опуститься там, где ему вздумается. Свобода – там наверху! Земля – ненадежное место, гораздо менее надежное, чем эфир.

Он и Ольсмин медленно парили, снижаясь, и, согнув колени, опустились. Еще не ушедшее чувство легкой беспечности позволило им буквально залиться трелями, ребячась! И оба захохотали искренне, а птичий хор отвечал им, когда они стояли рядом уже в обличии людей. А Ольсмин пошутил, одобряя:

– Молодец! Ты смог расправить крылья!

Потом, не сговариваясь, оба шагнули вперед. Нейл, находясь всё еще в том полуоглушенном состоянии, задавал себе вопрос: «Да было ли всё это?!...» И, следуя за Ольсмином, с небольшим усилием совершил... не больше, чем обыкновенный прыжок над вересковой поляной, позволивший ему... Взлететь?!

Нейл был расслаблен и погружен в свое новое состояние. Как будто вынырнувший сухим из зеленой заводи-чащи, заряженный ее энергией и освеженный. Может быть, это позволило ему повторить опыт левитации?! Что-то, что не поддавалось точному описанию: некий ток внутри, который он направлял к ступням ног?.. Он знал только одно: достаточно было не задерживаться на месте, двигаться, чтобы удержаться на плаву.

Прикрывая глаза, пробормотал еще раз:

– Я не знал, что такое возможно!

И получил молчаливый ответ Ольсмина. Нет. С чего он взял, что это возможно для любого?!

Шаги Нейла удлинились, старик, обернувшись, кивнул

ему, как бы одобряя его действия. Они оба ускорляли движение: «парящий бег» сквозь как будто летящую им навстречу зелень. Ольсмин снова слегка отдалился, но Нейл, следовавший за стариком на некотором расстоянии, на этот раз ощущал себя в контакте с ним. И словно немного затуманенный, он даже не пытался понять, что происходит; просто временами хватался за встречную ветвь и как бы давал себе дополнительный толчок. Это начинало увлекать и развлекать его.

Животное способно парить в затяжном прыжке, но не перемещается бредущим полетом горизонтально над землей, если это, конечно, не птица. Или его предки были птицами?! Нейл ухмыльнулся, находясь в состоянии расслабленного и сосредоточенного опьянения. Опьянение?..

И если это был лишь сон, то сон невероятный! Затянувшийся, длинный сон...

8. На подходе к «толосу», присутствия...

... Потом время от времени как будто начали мелькать по сторонам какие-то тени, фигуры... Существа! Они двигались параллельно его и Ольсмину движению, прятались за деревьями, там, где лес – видимый лишь боковым зрением – казался как бы размытой акварелью. Нейл не был уверен, что всё это реально. И если он медленно поворачивал голову, то и весь лес вокруг словно заражался той же призрачностью. Всё начинало будто ускользать, а у него слабо кружилась го-

лова и трудно было сфокусировать взгляд. Если же он оглядывался резко, то и существа исчезали, также резко скрываясь, растворяясь где-то в зарослях. И лес стоял обычный, зеленый, полный солнечных бликов, белых соцветий, шорохов и перепевов птиц, казавшихся ему с некоторых пор по-особенному близкими.

Почти неразличимый шум вдали... И вот, в наступившей тишине рос за спиной, приближаясь из глубины леса, мелкий шелест. Ветер в листве, а может лишь ветерок, оставленный за плечами его же собственным бегом. Что-то невидимое следовало за ними по пятам. Едва слышно поскрипывал старый ствол, как приоткрытая сквозняком дверь...

И опять краем глаза Нейл замечал: некие существа в зарослях крались и подступали ближе, неотступно следуя за ним. Ему казалось, что из-за деревьев и кустов на него смотрят глаза: полурастения-полуживотные-полулюди – «маски». А некоторые выскальзывали из своего укрытия и приближались, и пытались следовать за ним, Нейлом, всё смелее! В одних читалось простое любопытство, в других – словно даже угроза! Нечто древнее в них, нечто смутно ему знакомое...

Как испуганный подросток, он изо всех сил постарался нагнать Ольсмина и держаться по возможности ближе к старику. Тот что-то знал обо всем этом? Ольсмин подтвердил: да, они уже в относительной близости от Сада, а это своего рода эффект Охранного Барьера. И говорил ему про ка-

кой-то охранный барьер, так будто Нейл должен был что-то об этом знать:

– Присутствия – лишь проявления его энергетических свойств, – сказал старик и улыбнулся: – Большая их часть настроена вполне лояльно по отношению к нам.

– В чем их суть? Откуда они берутся?..

Нейл желал узнать обо всем этом побольше. И, словно в ответ, что-то очень шумно вспорхнуло в ближней чаще... Большая птица? Слишком большая! Вспорхнула шумно, резко, мгновенно унося на крыльях его неудовлетворенное любопытство.

– Толос, – объявил Ольсмин вместо ответа. А Нейл понял, что это некая ограда вокруг Сада; даже если нельзя было сказать, что понятие толоса соответствовало бы слову «ограда»! Скорее уж купол. Может быть, «климатрон» своего рода, создающий искусственный климат?.. Короче, оранжерея!

– Назови его так, – тот согласился и на это. – Особая энергетическая консистенция барьера ограждает Сад от проникновения в него земных созданий. Однако временами она притягивает, как магнит, тех, чье физическое существование на Земле не реализовалось. А их сонмы! Обычно они пребывают в своем собственном измерении, и сюда их влечет своего рода любопытство. И хотя им удастся на время прорваться на Пятый Уровень, их, как правило, «засасывает» обратно. Если только... – он не договорил и вместо этого снова повторил: – По сути своей они не все одинаковы, но

по большей части совершенно безвредны для нас.

А Нейл слабо кивнул и спросил:

– И можно как-то войти с ними в контакт? И так, чтобы не ошибиться в выборе!

Он, действительно, верил в то, о чем спрашивал?

– Мы с ними в контакте вот уже миллионы лет, Нейл.

– Миллионы, ты сказал?..

– Да. Для них мы – высшие существа. Впрочем, – заметил Ольсмин, чуть заметно улыбнувшись, – и среди них есть очень древние и очень мудрые создания. Ты вполне можешь пользоваться их помощью, если сумеешь расположить их к себе.

– Сказки... – подумал Нейл, воспринимая его улыбку, как подтверждение; и сам в ответ улыбнулся, чтобы дать тому понять, что он понимает шутку: – Сказки, не больше того!

Сценарий их игры начинал постепенно проясняться?.. Про опыт левитации старался пока просто не думать. И одновременно где-то внутри себя знал, насколько мог быть приятен контакт с некоторыми из этих существ! И насколько некоторые из них могли быть враждебны, упрямы, капризны и своенравны! Пробормотал:

– На своем уровне они обладают какого-то типа чувственностью и мышлением?..

Если он это знал, значит, всё-таки участвовал когда-то в игре. Только вышел из нее! Почему?.. Сбежал! По какой причине?

– Однако ты сказал, что эти существа могут быть и опасны? Не все из них наши помощники? – уточнил Нейл.

– Нет, конечно. И этот мир, Пятый Уровень, далеко не рай, Нейл, – ответил тот спокойно. – Земля пронизана энергетическими колодцами, наполненными не одной только позитивной энергией. Закрыть все невозможно, и всё же мы достаточно контролируем Грани. Для нас, как я тебе уже сказал, никакой опасности нет. Но вот для людей... Всегда существует бóльшая или меньшая опасность, со стороны существ, не имеющих своих тел и неосознанно тяготеющих к материи. Ищущих в ней подпитку своему призрачному существованию!

И таким образом, старик подтвердил ему еще раз существование «людей» и «не людей», элементарий. А кроме того существование «разных миров»! «Ну да... переплетенные цепи земных миров», – подумал Нейл, не испытывая особого удивления. (Он, несомненно, знал игру!)

Куда его вел этот старик... не вполне старик? И не увлеклись ли они слишком всеми этими странными фантазиями! Да и пора бы им было уже куда-то прийти. Где же этот «Сад»? Лес вокруг... А он, Нейл, – если имя его было Нейл! – доверился незнакомцу, возможно безумцу или талантливому гипнотизеру и позволил завести себя в эту глушь.

Не было никакой съемочной группы, никаких ролевиков, ни даже санатория посреди леса пока не было видно. А тем временем он, Нейл, только что левитировал... Все признаки

умственного расстройства налицо!

О чем он думал теперь? Сад... И тем не менее откуда-то он что-то знал о нем. Никем не спланированный, никем не посаженный. Огражденный по большей части естественным барьером: скалы, холмы и лощины, пещеры и потоки, наземные и подземные, – особые места, пронизанные выходом земной энергии... Энергии, направленной и замкнутой в особый Контур!

Слова как бы сами принаравливались, чтобы выразить суть Охранного Барьера: цепь, логическая последовательность... музыкальная секвенция... неопределенность, вибрация, дрожание... туманность, притяжение, влечение... отпечаток мысли... Мысль! Но и своего рода экран, зеркало, грань... Ничто из этого. Всё это! Нейл подумал, что люди, в зависимости от уровня их развития, могли бы считать это место «прóклятым» или «заповедным». Аномальной зоной, в которой их аппаратура необъяснимым образом дает сбои.

– Несведущий человек, – сказал стоявший рядом Ольсмин, выводя его из задумчивости, – прежде всего не справится с реакцией собственной психики. Тот, кто ищет реальную сторону мира, потеряется, как в лабиринте, даже не войдя в Сад, и не заметит ничего помимо собственных видений.

– Да... Вот именно! Помимо своих видений, – подумал Нейл, – пугающих, манящих, морочащих... И уже одного этого, вдобавок к обыкновенной физической реакции дискомфорта, было бы вполне достаточно, чтоб отвадить людей

от посещения любого такого места!

– А впрочем, люди и без того забредают сюда достаточно редко, – заметил Ольсмин.

Нейл не сомневался: лес вокруг них был девственный, без троп, посещаемый разве что каким-то редким охотником. И похоже, изобиловал разной непуганой живностью: птицы токовали, на поляне паслось семейство кабанов и косули... Встретившийся им волк, бежавший по каким-то своим делам и приостановившийся поодаль, пристально поглядел в их сторону, чтоб затем повернуться и быстро скрыться в чаще. Мыши, белки... Змея прошуршала в траве. Возможно, в этом лесу были даже медведи. Массивная, горбатая фигура насторожила Нейла, но оказалась всего лишь грудой замшелых камней!

Теперь лес перед ними был совсем другим: серые стволы извилистых буков принимали разные формы; повсюду были рассыпаны светлые камни и валуны всех размеров, куски скал, и всё это было покрыто зелеными мхами. Как легкое эхо слышался отдаленный шум воды скрытого где-то потока, то нарастающий, то затихающий. «Место, в котором деревья замедляют свой рост...» – вдруг подумал Нейл. Вокруг, и в самом деле, было полно столетних деревьев. Но его мысль была о о некоем особо замедленном течении времени. И что ему опять лезло в голову?!

А после недавнего странного опыта «метаморфозы», и сами деревья казались ему уже другими: дремлющие в пото-

ке солнечной радиации, на деле же живущие своей настоящей жизнью где-то там, под землей, во мраке, в царстве корней... Примерно так и человек по большей части живет в мире собственных мыслей и лишь отчасти во внешнем мире, ошибочно считая его своей настоящей жизнью!

Ольсмин сделал ему знак, приглашая снова следовать за ним, и пошел вперед, то наклоняясь под толстыми ветвями, то обходя кусты и скалы. Идя за ним, Нейл лишь раз оглянулся на одно очень старое дерево. Оно было замшелым и всё в наростах; кажется, он уже видел его прежде. Когда-то он уже был здесь. Когда?!

Искореженный временем, крепкий гигант, зеленый от мхов, напоминал ему древнего ящера. Ящер – с высоким гребнем торчащей вверх ветви, – нападающий на взлетающее из его когтистых объятий крылатое существо: всего лишь второе дерево, выросшее из тех же самых корней. С шишковатым наростом «головы» на длинной шее-стволе и раскинутыми крыльями ветвей. Трагическая сцена не бросалась в глаза сразу, а открывалась лишь взгляду внимательно-го путника, расположенного обернуться, взглянуться и увидеть! Действительно ли мир менялся, стоило повернуться к нему спиной? Действительно ли он, Нейл, уже бывал здесь?..

И еще, у него было очень странное ощущение, что прошло безумное количество времени с тех пор, как он в последний раз шел по этому лесу. А деревья не умерли с тех пор, только стали еще более старыми и могучими гигантами. Место, в

котором деревья замедляют свой рост!

Нейл в последний раз на ходу оглянулся на причудливо изогнутый и позелененный мхом корень: «мшистый человек», задумчиво прилегший на землю, – совершенный человек в миниатюре! Но Ольсмин звал его не задерживаться и идти дальше, а шум воды становился всё более явственным; возможно, где-то в зарослях скрывался водопад. Вслед за стариком Нейл нагнулся, пробираясь под ветвями бузины, и они оба оказались в подобии узкого зеленого коридора. Тропа спускалась куда-то вниз, тесная и извилистая, всё ниже и ниже, пока не кончилась мшистым порталом из двух валунов. И открылась низина в амфитеатре скал, оплетенных корнями растущих по его верхам деревьев. По левую сторону от них шумел водопад.

Здесь ощущение растянувшегося странно времени еще более обострилось. «Низина ничуть не изменилась... Почти не изменилась!» – подумал Нейл. Его не оставляло чувство уже виденного прежде.

Водопад шумел непрерывно. Низина, по-видимому, отличалось от окружающего леса своим особым микроклиматом. Место сказочное, Нейл был невольно очарован. По дну низины струился довольно широкий ручей в обрамлении плющей и папоротников, фонтанных трав, поднимавшихся над берегами и склонявшихся к прозрачной воде. Поток образовывал каскадики между светлых, темных и замшелых камней. Местами – зеленовато-золотистые заводи, в окруже-

нии широких, как блюда, листьев бузульника с желтыми султанами цветов. И вся низина была сплошным ковром растительности.

Шум, плеск, шелест, журчание и переливы отдавались легким эхом, отражаясь от скал. Пара редкого вида синих бабочек порхали в воздухе, влажном и ароматном... Атмосфера была сонной, казалось время здесь совсем замерло. Всё, окутанное призрачной солнечной дымкой и полное таинственных контрастов света и тени; изумрудный мрак в расщелинах скал и в глубине зарослей.

Нейл не очень понимал, куда и зачем они пришли, но, по-видимому, дальше дороги не было! Пока он не задавал старику никакие вопросы, ждал, что тот скажет сам. У него было такое ощущение, будто эта низина – лишь «театральная декорация», за которой скрывается что-то другое. Однако Нейл не видел пока никакой «двери», ведущей в предполагаемую иную реальность.

– Сад всё тот же, ты его узнаешь, – проговорил Ольсмин почти торжественно, но как всегда не торопясь что-то объяснить. Да и существовал ли на самом деле этот Сад, или странный старик всего лишь морочил ему голову? Самопровозглашенный маг и сталкер или безумный отшельник! Завел его в глушь, – из которой теперь будет нелегко выбраться, – чтобы Нейл составил ему компанию в его одиночестве и делирии безумца!

Нейл не заметил, как это получилось, но они стояли уже

на песчано-галечной кромке близ мелкого водоема, образованного летящей сверху водой водопада. А он зажмурился и встряхнул головой, осыпaeмый парившей вокруг водяной пылью. Звуки струящегося прочь потока словно усилились, и все краски вдруг стали ярче: красноватые, темные мокрые скалы, изумрудная, седая и голубоватая зелень, косматые бороды трав и желтые лишайники, цветные наслоения песка и глины...

– Охранный барьер имеет еще одно любопытное свойство, – добавил Ольсмин. – Не удивляйся, если ты вдруг проэкспериментируешь его на себе.

Он хотел сказать «не бойся»? Их путешествие имело какой-то ритуальный смысл? Вроде инициации! Но даже если где-то в этой лесной глуши помещалась какого-то рода тайная секта неоязычников, пока он и старик были совершенно одни. Нейл снова сильно усомнился во всем. А может, нет никакого старика?!.. И всё это лишь плод его расстроенного воображения! А он, Нейл, лежит сейчас где-то там, в дюнах, под начинающим разогреваться солнцем и бредит. У него жар, и ему чудится в бреду этот прекрасный водопад, и вожделенный освежающий душ летящих сверху брызг. Стоит ему только открыть глаза... нет ни низины, ни водопада!

Насмешливый голос внутри него посоветовал не ждать, а раскрыть поскорее глаза и взглянуть.

Нейл снова забыл, что старик способен читать его мысли. Но нет, тот смотрел отвлеченно куда-то вглубь низины.

Следуя за его взглядом, он тоже оглянулся, и сначала не увидел ничего особенного. А потом... зрение прояснилось. Дети?!.. Откуда они здесь взялись?! Возникшие как из-под земли, дети играли у ручья: пара светловолосых мальчугов, лет восьми-девяти перепрыгивали по камням, перекликаясь между собой. А он слышал их голоса, но не мог различить слов. Потом к ним присоединилась девочка, тоже взявшаяся как из ниоткуда, и такая же светловолосая, одетая в легкое, светлое платье. Один за другим, они перелетали с камня на камень; их голоса отражались от окружающих низину скал и как будто повторялись многократно странным эхом, затихая, где-то в их глубинах.

Водопад, обдавший их в очередной раз облаком водяной пыли, освежил и вернул его к реальности. Что это было?! Дети исчезли, словно их и не было, но прежде он видел их совершенно ясно! Нейл взглянул растерянно на своего спутника, ища у него ответа, а сам подумал отстраненно, удивленно: «Однако, какое знакомое лицо у старика..!»

– Это как случайно задетая в тебе струна, Нейл! Место вызывает в каждом свое. Кого-то это может даже испугать. Но не тебя.

– Бред! – подумал Нейл отчаянно и провел по лицу обеими ладонями, умываясь окропившей его мелкой росой. Посмотрел в сторону водопада и увидел, что справа от беспрерывно шумящей завесы воды был каменный выступ на скале, подобие карниза, метрах в трех над землей, который он до

этого не заметил. В то время как Ольсмин продолжал спокойно объяснять:

– Это место насыщено сильно земной энергией. Оно, как в зеркале, отражает картины нашей эмоциональной памяти. Ее зеркальные осколки... Ты видел одно, я видел другое, но можно увидеть и что-то общее, прожитое вместе. А человек...

Нейл усмехнулся понимающе. Ну да, человек, случайно проникший в низину, как незванный гость, оглушенный и замороженный, даже не понял бы в чем дело и не понял бы как снова оказался в лесу. Никакой низины! Примерно так. Взглянул... Сетка водяной пыли покрывала белые волосы молодого старика... Но как они оказались на мокром карнизе рядом с водопадом!?! Темная узкая щель, полная сырого мрака, уходила вглубь скалы. Снизу ее не было видно. У входа месиво из щебня и глины. Кажется, старик намеревался лезть туда, внутрь, в полную тьму. Нейл, уже весь мокрый, первым, без приглашения, заглянул в теснину...

9. Оставшийся

... Восприятие Нейла раздвоился на две реальности. В одной он и Ольсмин стояли бок о бок на каменном выступе, и вода долетала до них временами. В другой Нейл и старик стояли совсем даже не рядом и не на карнизе, а на двух валунах, почти под самым водопадом! Ощущение обрушивавшейся время от времени ему на плечи воды, вылитой словно из вед-

ра, было ошеломляюще реальным. Она разбивалась о плечи и голову Нейла и обильно стекала по его волосам и одежде. И так они стояли на карнизе и... одновременно под каскадом падающей, летящей воды. Тем временем старик как будто что-то пел: и его шаманическое обертонное пение резонировало с водой или скорее даже воспроизводило шум водопада...

Но нет... Нейл не был вполне уверен, что тот пел. А он сам, тот, что стоял на карнизе, делал усилия, чтобы разглядеть свое собственное лицо как бы во «второй реальности»! И пока ему это не удавалось: то загораживало облако водяной пыли, то заслоняло туманное пятно. В то время как он отлично видел каждую травинку в пучках мокрых трав, пробиравшихся из щелей каменной стены позади «себя второго». Видел себя, одетого в самые обыкновенные штаны и рубашку, и видел фигуру старика, светлую и статную, в его странном одеянии, но никак не мог сфокусироваться на собственном лице. Глаза его как будто уводило в сторону, сводило, косило, и он был вынужден в конце концов отступить! Зато лицо Ольсмина он видел прекрасно: бледное, благородно удлинненное, с закрытыми глазами; вода временами хлестала его. И ощущал дыхание Ольсмина, ровное и глубокое, ощущал собственное ритмичное дыхание и жесткие удары струй. Руки Нейла были сжаты в подобие замка перед грудью. А холод всё больше разогревал его тело, так словно в него вливалась новая энергия, начинавшая постепенно циркулировать

в нем.

– Нам нужно туда лезть?.. – Нейл, отшатнулся от расщелины. Ему почему-то не слишком хотелось. И дело было не в одном мраке, и не в сырой глине под ногами!

– Это лишь духи скал, Нейл, – заверил его Ольсмин.

– Ну да... Проявление панпсихизма, выражаясь ненаучно, – пробормотал он. Всё одушевлено на своем уровне: и камни, и растения, и вода, и все природные явления.

– Если предпочитаешь объяснить это так! Так или иначе, это сущности, миллионы лет привязанные к Земле. А мы с тобой... Мы свободны от этого мира, – заметил ему старик, едва улыбнувшись. Он уже не в первый раз пытался заразить его своим странным безумным высокомерием. Но Нейл всё еще интуитивно защищался. Словно срабатывал какой-то предохранитель внутри. «Когда этот предохранитель окончательно полетит... – подумал он. – Тогда все!»

– Так значит, мы «сиддхи»? Это инопланетяне своего рода! Или как?.. – констатировал он вопросительно и иронично. «Нейл» – имя или прозвище? Он вел себя как упрямый ребенок?

– Мы... Те, кто мы есть, Нейл, – сказал тот спокойно. – А ты – оставшийся... Пришедший с пришедшими.

Он начал было, возражая:

– Что за странные...

Как вдруг в нем словно распахнулся занавес, и открылось воспоминание. Сотни и сотни миллионов земных лет, как за

толщей стекла! Пришедшие... Оставшийся... Всё еще здесь, живущий в нем! Воспоминание кружило ему голову. Его самого кружило! Руки, сжатые в замок, и одновременно как будто широко раскинутые в стороны... Вода хлестала его по лицу, волосы были мокрыми, а голова запрокинута назад. И всё кружило, кружило вокруг...

С самых ранних детских лет Нейл в своих видениях видел или чувствовал присутствие Оставшегося. И всё же не знал, кем тот был! Иногда он называл это «Началом». Через Оставшегося, он не раз пережил свое личное присутствие на какой-то пустынной первозданной планете. Земля! Нейл не сомневался в этом. Земля, когда жизнь на ней еще только зарождалась.

Один. Он был совершенно один на всей планете, – так по крайней мере он считал, – но ему было хорошо. Он сам этого желал: полного одиночества и свободы. Станным образом Оставшийся не нуждался ни в чем: ни в еде, ни в воде, дышал той атмосферой, что была тогда в наличие на Земле! И ему не требовалась никакая защита от окружающего мира, от проникающих радиаций (что с точки зрения «человека» было бы абсолютно невозможно!). Нейл воспринимал это видение, как фантазию или... Сон? Только очень ясный сон. Он и был визионер своего рода. Кажется, так.

В этом его «сне» он, Оставшийся, обозревал свои владения: вся планета была в его распоряжении. Впрочем, он не нуждался во власти над этим миром, был как бы в отрыве

от него. Что его привело сюда? Он, беглец... бежавший от кого-то, от чего-то, а этот первобытный мир лежал на пути его освобождения! Теперь, когда Они ушли, больше не было спешки. Один покой, неописуемый словами, присущий только ему. Пришедшие покинули планету, а он остался и надеялся, что они больше никогда не вернутся! Кто они? Откуда пришли? Нейл не знал. Но Оставшийся знал о них всё: до того, как он оказался на Земле, он жил в их мире, очень далеко отсюда...

В одиночестве тот ни о чем не думал и очень долгое время даже не спрашивал себя, остался ли на планете еще кто-то, кроме него. Возможно, ответ пришел бы намного раньше, если бы он задал себе этот вопрос! Но в нем долгое время преобладал какой-то другой пристальный, медитативный интерес к тому, что его окружало. Интерес к «геологии», породам скал, минералам. К «биологии», новой, незнакомой флоре и фауне, к тому, что зарождалось прямо у его ног, в неглубокой воде.

Были воды... большие и маленькие, мелкие и мельчайшие: лагуны, заводи рек, термальные воды. Каменные, послеледниковые зандровые пустоши. Планета оттаивала после долгого оледенения! Груды камней, песка, галечника, холмы, сопки... Он взбирался на высоты, чтоб обозреть панораму, но не торопился взлететь, устремиться к горизонту. Погружался в воду, ограждая себя, но и зная где-то внутри, что ничто живое в этом мире не может войти с ним в контакт без

его согласия. Однако, он чувствовал это живое вокруг себя!

Плыл... Покой. Что-то связанное с накопленной им древней безмерной усталостью, давно изнурявшей его, давившей своей тяжестью, как чугунная плита.

Иногда Нейл чувствовал себя почти, как Он, Оставшийся... Может быть, он был чем-то болен. Его «болезнь» была рецидивом? Абстрагированный, еще раз всплыло это слово! Он постоянно где-то бродил, блуждал, куда-то ехал... Что с ним происходило? И тут он вспомнил: туннель.

Нейл был за рулем... Туннель, пробитый в горах, бесконечно длинный. Машина буквально летела. И это было похоже на бегство. Куда он направлялся? Боковые ответвления, мрачные и пустынные штольни... Останавливаться, углубляться в них – запрещено. И в туннеле пустынно. Лишь око телекамер, держащее его под контролем. В то время как стены и потолок сначала сливались в черно-желтый пучок размазанных штрихов света, затем стягивались, свертывались, сужаясь в неуловимую конечно-бесконечную точку... Но на этом его видение обрывалось!

– Так значит, я тоже сиддх?... – он еще раз ухмыльнулся иронично. А Ольсмин, перед тем как скрыться в темном лазе, обернулся с уже вполне серьезным упреком:

– Послушай меня, люди не делают ничего из того, что делаешь ты, Нейл! Человек даже не услышал бы, что мы его звали, а ты слышал.

Ну да... Теперь и ему казалось, что в дюнах он слышал

сливавшееся в один длинный звук свое имя: «Н-н-н-н... лллл». И «человек», конечно, не мог бы иметь воспоминания длиной в сотни миллионов земных лет, в этом старик был прав!

Реяли полупрозрачные пузыри в почти крошечном мраке расщелины – «виртуальные матрицы». Иногда вытягивались аморфно и превращались в слабо фосфоресцирующие фигуры. Нейл смотрел вверх: высоко над их головами свет проникал сквозь узкую щель и, возможно, создавал на водяной пыли отражения, плавающие тени, странный голографический эффект.

При входе в расщелину Ольсмин оттолкнулся обеими руками от мокрых мшистых стен и как будто поплыл: ноги его едва задевали залитый водой каменный пол! Нейл же чуть не поскользнулся, едва не увяз в жидкой глине! Он всерьез попытался следовать примеру старика: оперся руками о мокрые каменные стены прохода, сделал вдох, сосредоточился и расслабился внутри себя. Даже прикрыл глаза – несмотря на полный мрак вокруг – сделал рывок!..

...Звучно срывались капли, а шум водопада стал глухим эхом в глубине ущелья. Бесперывный, ровный, равнодушный. Вода несущая откуда-то и куда-то свое знание обо всем, что произошло на этой планете. И, может быть, не только на этой! Связанная через свои таинственные коды с особыми водами – водами космическими. «Гидрино?.. Гипотетическое состояние атомов водорода», – предположил он. Ка-

кая-то земная теория всплыла в голове. Он занимался когда-нибудь физикой?..

В каменной теснине отдаленный шум, всплески воды преобразовывались в некие шепоты. Кажется, Нейл занимался не одной только «физикой»! В гипнотической отрешенности он расшифровывал в переливах потока живые голоса. И вспомнил, что когда-то слышал сонные, смутные, едва различимые голоса в кристалликах замерзшей воды. Сейчас он ушел в эти шорохи, шелесты, шёпоты населявших теснину теней... И снова ему вспоминалось что-то, как сон наяву.

Надвигалось колоссальное оледенение. Пришедшие уходили, покидая в спешке свои базы, свои лаборатории. Оставшемуся казалось, что сама его депрессия каким-то образом спровоцировала этот надвигавшийся Великий Холод. В его власти было сделать нечто подобное?! Он смотрел на чужую ему суету уходящих равнодушно, зная, что скоро наступит полный покой. И надеялся, что никто не способен прочесть это равнодушие в его глазах. Впрочем, они все были заняты лишь одним: торопливым желанием покинуть эту планетарную систему! «Коридор закрывался»...

«Тени», некие экспериментальные образцы, результат их научного поиска, оставались брошенными в невероятной глуши Вселенной, на этой затерянной нежилой планете. «Создатели» бросали их на волю судеб, просто потому что не было бы практической возможности собрать их и запечатать в контейнеры. Акт неосмотрительности? Их совсем не забо-

тила опасность привнести в другой мир что-то ему не собственное. Впрочем, и сами они были далеко не совершенными и не вечными и имели собственные эгоистические цели, как и мир, из которого они пришли, был достаточно эгоистичным!

Тени... Эфирные матрицы... Информация для построения и развития.

Так или иначе, теньям, способным выжить в воде и в огне, ничто не угрожало. Высокие радиации? Да, они могли разрушить те из них, что не успели получить некую «связывающую искру»... Однако и не получившие ее успели укрыться на сотни и сотни миллионов лет в глухих ущельях и подземных гrotтах.

«Что за искра?..» – спросил себя где-то Нейл. Вопрос казался ему печально гнетущим. Нейл не знал, о чем он думает, но это явно имело для него какое-то особенное значение.

– Потенциальные архитектурные формы, – пробормотал он вслух, прислушиваясь к тому, как с шорохом разносится по ущелью его голос. – Они смогли самостоятельно выжить на планете.

– И часть их прогрессировала виртуально, – заметил Ольсмин где-то впереди него. – Я уже сказал тебе: на Земле есть и очень мудрые существа. После конца своего мира они могут стать планетными духами разных степеней и рангов в других планетных системах. То, что они не смогут – покинуть свою Вселенную...

– А сиддхи могут выйти за ее пределы? – спросил Нейл, уже ничуть не удивленный.

10. Станный ресорт в лесу

... Свет в конце ущелья ослепил Нейла. Сияющий светлый туман заволакивал всё вокруг. Не плотный, полупрозрачный, он плыл и рассеивался, клубясь между мшистых зеленых скал. А эти скалы проявлялись в тумане сначала как бледные серые тени, затем как массивные темные фигуры.

Нейл всё еще думал о том, что ему только что привиделось, но постепенно его мысли рассеивались, как эта плывущая дымка. Тропинка перед ними поднималась и петляла вверх и вниз между скалами. И неожиданно путь им преградила... Калитка! Самая обыкновенная банальная калитка с тоненькой аркой сплетенного над ней цветущего выюнка и даже незапертая, полуприкрытая. Ольсмин слегка толкнул ее, и она открылась с легким скрипом. Сад!.. Нейл не поверил своим глазам. Всё это время, до этого самого момента, он не верил в его существования!

По обе стороны от тропинки, продолжавшейся и за калиткой, тонкие стебли лаванды склонялись к тропе – многочисленные шапки мелких сиреневых цветов. И несколько больших пчел как-то особенно густо гудели над цветами в почти нереально странной тишине. А туманец, как по мановению руки, исчез, утекая куда-то под калитку.

Нейл инстинктивно отстранился от пчелы, а Ольсмин за-

метил ему спокойно:

– Они не жалят, ты забыл.

Да, кажется, он слышал о таком крупном подвиде пчел-мелипон: тригона. Но крупные тригоны-стервятники питались падаley, а не цветочной пылью. Должно быть, «энтомолог» в нем удивился столь крупным размерам безжалых пчел, хоть и принял слова старика, не возражая. Энтомолог знал о хищных предках пчел, знал о пчелах-паразитах и гигантах, о пчелах-одиночках, живущих вне улья, в гнездах. И знал, что не все мелипоны так уж безобидны. Но, наверное, это был какой-то совершенно особый вид!

Солнце тем временем как-то необыкновенно ласкало. Казалось, здесь, как и в низине, был свой микроклимат. Тепло, хорошо, комфортно. А значит, он не ошибся насчет «климатрона». Оранжерея? Нейл поднял глаза, в поисках искусственного купола. Но над головой было лишь обычное голубое небо. Ему захотелось – как в разгар лета в лесу – стянуть с себя рубашку, скинуть ботинки, как это случилось делать на мягком травянистом лугу. Подумал и усмехнулся внутри себя: может быть, здесь ему предложат нарядиться в подобие того балахона, что надет на Ольсмине! Может быть, – в белые хлопковые кальсоны, вроде дхоти.

(«Дхоти»? Он задумался над пришедшим в голову словом. Носил ли он когда-нибудь нечто подобное? Страны, народы, языки... – всё как будто смешалось у него в голове!)

«Сад?...» – спросил Нейл себя, всё еще сомневаясь даже в

том, что видел собственными глазами, и ожидал вскоре увидеть какие-то строения. Будто слегка опьяненный, расстегивал на ходу рубашку.

Никого вокруг... А он понадеялся внутри себя, что это не парк при психиатрической клинике, где внешне всё спокойно, потому что больные просто заперты в своих палатах! Нейл чувствовал себя некомфортно.

Но сад или парк оказался неожиданно большим. Можно ли было назвать это место, хотя бы условно, «садом»? Так или иначе, очевидно, садовники предпочитали оставлять его полудиким. Тропинка, будто специально рассчитанная на двоих, убегала под натуральные арки из сплетенных ветвей, которые превратили ее в подобие зеленого коридора, полного бликов света и тени. Ветки тянулись со всех сторон, но не царапали и не цеплялись за одежду, наоборот, словно хотели обнять проходящих мимо.

Ступать по тропе, поросшей мягкой травкой на солнце и плотным мхом в густой тени, было легко и приятно. Где-то маленькая птичка, которую Нейл не разглядел, попискивала, очевидно, поклевывая время от времени ягоды. И сколько же вокруг было кустов, полных ягод! Но что поразило Нейла – растения вокруг цвели и плодоносили одновременно, казалось, забыв о временах года. Результат особого микроклимата? А на прибрежном ежевичнике он видел лишь самые первые зеленые завязи. Здесь, на прогалинах, залитых светом, и травы были уже по-летнему высокие, словно сад – ес-

ли его можно было так назвать! – преждевременно вступил из весны в полное лето.

И стояла необыкновенная тишина. Какой-нибудь поэт сказал бы так: «Всё вокруг цепенело и томилось от восторга...» Нейлу же казалось, что всё вокруг не молчало, а разговаривало тысячами голосов. Они, эти голоса, говорили ему: «Ты пришел... Мы знаем тебя, Нейл! Останься, расслабься, растворись в этой тишине... Впитывай нашу энергию, мы дарим ее тебе безвозмездно!»

– Так и есть, Нейл. Ты действительно дома! – произнес Ольсмин, на этот раз по-особенному мягко, словно был тронут его мыслями. Нейл был оглушен и одурманен, и у него даже как будто слабо кружилась голова. И чуть перехватывало горло, так, словно ему передался от старика «избыток эмоций»!

Удивленный, он совершенно не понимал свою реакцию. И когда что-то вдруг слегка коснулось его плеча, не сразу обернулся, предполагая, что старик, поотставший на шаг, просто желает подбодрить его. Стесняясь собственных эмоций и забывая, что тот способен видеть его насквозь! Но это была всего лишь задетая им цветущая ветка. Словно живая, она ненавязчиво протягивала ему свои цветы. А он подумал: «Да это же... Райский сад!»

Ольсмин, поравнявшийся с ним, проговорил:

– С возвращением, Нейл! Сейчас не беспокойся ни о чем, просто отдыхай.

Луч света попал ему в глаза... У Нейла было странное ощущение, что он знает старика очень давно. Вечность! Они знают друг друга вечность... Как он мог об этом забыть?!

— Но так и есть, Нейл. Так и есть... — с этими словами, произнесенными как-то грустно, Ольсмин повернулся и пошел дальше, не оборачиваясь.

— Ты ведь хорошо знаешь меня, верно? — пробормотал Нейл ему в спину, смущенный, следуя за ним.

— Знаю ли я тебя, Нейл?!.. — воскликнул тот с упреком, но ничего больше не добавил, потом сказал: — Ты можешь переночевать в Саду и остаться здесь столько, сколько сам захочешь. Никто не станет тебя удерживать. Не бойся!

«И то уже хорошо!» — подумал Нейл. Впрочем, он и не собирался никуда сбегать. Куда? Если вокруг был глухой лес! А он нуждался в чьей-то помощи. И не ушел бы отсюда, не выяснив прежде, что всё это значило.

Что он знал на данный момент? Какой-то туннель, в котором, возможно, произошла авария, но он остался жив! Станный сон, рассказанный ему когда-то «не его сестрой», которая считала себя чем-то отличающейся от людей. Его собственные сны наяву: полеты, метафорфозы... и прочее. И вдобавок какие-то фантазии насчет прошлого, про Оставшегося, готовившего себя к полному одиночеству на пустынной, начинающей оледеневать планете сотни миллионов лет назад?!

А еще было то видение... По-видимому, он был еще и ви-

зионер. Пустошь... Завернувшийся в темный плащ, он спал глубоким сном, похожим больше на «каменную летаргию». И женский голос, близкий, родной, уговаривал, просил – нет, почти умолял его – подняться. Встать и проделать какой-то путь. Куда?.. Как давно он не слышал ее голос! И когда он наконец поднялся и огляделся вокруг, был удивлен: вся равнина до горизонта, насколько хватало глаз, зеленела, покрытая мхами, травами и даже россыпями мелких цветов. Чуть поодаль струился ручей, и не один. Пышные подушки мха пружинили у него под ногами. Сколько времени прошло? Как долго он спал?!.. Дорога, взялась как из ниоткуда. Прежде здесь не было никаких дорог!

Он был один, но у края пустынного шоссе стояла оставленная кем-то машина. Откуда она взялась и как давно здесь стояла? Забытая дорога и забытая им самим машина?! Старый ржавый лом. Да нет! Приблизившись, он обнаружил, что внешне машина была цела. Правда, забравшись в кабину, нашел на указателе уровня заправки ноль. Но его это как будто мало беспокоило. Он сел в кабину и – завел мотор!

И в этот момент кинул взгляд на старый журнал, оставленный кем-то на сиденье рядом. Парень на обложке: клетчатая рубашка, штаны цвета хаки, какие-то шнурованные, высокие ботинки... Нет, кажется, он не был в розыске и не был какого-то рода знаменитостью! Но когда он настроил зеркальце, чтоб взглянуть на самого себя, то кого он увидел?.. Парня в клетчатой рубашке, конечно же!

(Сейчас, вспоминая произошедшее с ним, Нейл подумал, что на самом деле не помнит свое лицо, увиденное в зеркальце.)

Дорога протянулась вдаль, горы на горизонте... Это было то же самое видение или уже какое-то другое? Вокруг ничего, удивительно пустынно. И – горечь внутри него по поводу какого-то прошлого, буря запоздалых эмоций. В гневе на себя он даже ударил руками по рулю.

... Нейл поотстал от Ольсмина: его привлек маленький темный водоемчик в тени старых раскидистых деревьев, полный до краев прозрачной, сверкающей солнечными отсветами воды. Ему захотелось увидеть собственное отражение в темном зеркале, но подрагивавшие золотые блики мешали, а Ольсмин тем временем уходил, и Нейл поспешил за ним. Дорожка была не одна, их было множество – сложное переплетение. Сам он уже давно заблудился бы и даже не пытался запомнить их путь, просто следовал за стариком. Лишь удивился тому, что все эти тропинки не зарастали. А для этого потребовалась бы целая армия, не садовников, а лесников! В этих тропках было что-то нереальное: что-то от бесконечного зеленого лабиринта, но не давящего, не теснящего или пугающего, а лишь слегка кружащего голову... И в Нейле вдруг возникло прямо противоположное желание затеряться среди этих троп и блуждать, блуждать по ним без конца.

Повсюду слышалось струение, журчание, переливы воды,

скрытой в таинственном зеленом полумраке зарослей: ручьи, потоки, каскадики и заводи почти завораживающей красоты. Гармония – вот слово, которое он подыскивал, чтобы дать определение всему окружающему. Гармония, которую было невозможно ни выразить словами, ни тем более проанализировать. Как бесполезно анализировать шедевр искусства в надежде научиться творить.

Впереди них было светлое солнечное сияние, в которое Нейл и Ольсмин вошли из полусумрака зеленого коридора. За песчаной прогалиной расстилалась небольшая зеленая лужайка, вся в солнечной дымке, украшенная светлыми скульптурами, чуть позелененными, словно отражавшими окружающую буйную растительность. Миртовые кусты, заросли шиповника... Вокруг царила атмосфера необычайного покоя.

В первый момент Нейл подумал, что это статуи, но потом понял, что ошибся. Это были люди в светлых одеждах, стоявшие вроссыпь на траве, неподвижно, в медитативных позах – подобие театральной сцены. Но никто из них не двинулся им навстречу, как будто в ожидании, что Нейл и Ольсмин сами приблизятся. А их статичность спровоцировала в нем невольное воспоминание...

Что-то, казавшееся уже очень далеким. Скульптуры в парках, иногда даже прекрасные, вызвали в нем чувство смутной ностальгии по чему-то давно утерянному и забытому. В них всегда был как будто какой-то обман. И редко встре-

чались уголки, отчасти созвучные ему. Золотистая бархатная солнечная тишь и уединенная статуя, наполненная теплым, живым свечением... Всего на шаг от метаморфозы: готовая вот-вот ожить и преобразоваться из камня в прекрасное существо! Такие редкие места помогали расслабиться, уйти в себя, но лишь ненадолго. Но это были обычные парки и обычные статуи. А были еще другие...

Странные места его снов... не снов. Он вспомнил это сейчас! Нейл никогда не спал по-настоящему. Пораженный подобием вечной бессонницы, лишь дремал.

Неспособность спать, инсомния, если у нее нет психологических причин, может иметь и летальный исход. А он ничем не был болен и тем не менее застревал в состоянии гипногии: между сном и явью. И тогда попадал туда... Совсем другие парки и статуи в тех странных местах, куда не заглядывал свет, где царили вечные сумерки, если не полная тьма. Где всё казалось застывшим в безвременье. Лучше было бы не входить в эти парки. Нельзя было задерживаться и углубляться в них! В его «не снах» эти места были пугающими и отталкивали своим холодным мертвенным гиперреализмом. В них была какая-то нарочитость...

Однако странным было то, что никто из стоявших поодаль не направился к ним навстречу и не произнес ни слова приветствия! А ему вдруг стало так хорошо... Нечто теплое, светлое, расслабляющее – волна незнакомого или просто давно забытого им комфорта. И он, как пьяный, чуть не

рассмеялся в голос. Едва сдержался, даже устыдился самого себя. Сильные эмоции – что-то вроде слабости! (Иногда последствия отравления или болезненной эйфории.) Экстаз... – постыдная потеря контроля над собственным телом, временное помешательство. «Земной организм, – промелькнули в нем быстрые мысли, – не слишком приспособлен к естественному состоянию счастья! Низкая энергетика?.. Не считая моментов выброса адреналина. Для многих и самая обычная человеческая радость недоступна без врачебной помощи! И только блаженный идиот способен на затянувшееся ощущение счастья».

И таким образом он привычно боролся с внезапно нахлынувшим на него и пытался овладеть собой, но не мог справиться, это было выше его сил. Теперь он ощущал внутри себя некое счастливое парение, с запрокинутой головой и расправленными плечами; руки, отведенные назад, как начинающие отрастать за спиной крылья. Легкий воздух, полный солнечного сияния, окутывал его. Изумительное чувство кружения! И если, действительно, присутствовавшие поодаль каким-то непонятным образом делились с ним своей энергией, то после этого он уже точно не смог бы назвать их вполне людьми. Люди не могли дарить то, чего им самим не доставало.

Бред продолжался! А его «героическая человеческая сущность» принялась бороться, может, лишь потому, что она не имела достаточно сил, чтобы принять этот чужой дар. После

короткого эмоционального взлета, он почти сразу оказался переполненным, и сработало что-то вроде инстинкта самосохранения, отторжение излишков энергии. Его захлестывало с головой, как волной: еще мгновение, и он забарахтался бы, потеряв все ориентиры. В нем вспыхнул протест: что за безумная игра, в которую они его вовлекали?! А если это какая-то секта, то что за обряды они здесь практиковали?!

Ольсмин воскликнул, предупреждая его:

– Нейл, остановись!.. Ты сам себе наносишь вред!

И, разведя руки, с ладонями обращенными в сторону Нейла и в сторону стоящих поодаль, на поляне, сказал громко:

– Подождите... Вина моя, это я переоценил его силы! Он еще не готов.

И кажется, вовремя: больше этого Нейл, действительно, не смог бы выдержать. Свет вдруг смягчился, потемнел, и краски как бы потухли, как будто облако погасило яркий день. Вся картина – светлые фигуры на фоне роскошной зелени парка – дрогнула перед его глазами. Ему показалось, что он просто теряет сознание. И не способный больше стоять, как пьяный, осел на землю, рухнул. Земля притянула его к себе своей горизонтальной плоскостью, а он раскинулся на ней почти с удовольствием. Приятно баюкающая, она дала опору его телу, ватно расслабленному и одновременно налитому чугунной тяжестью. Тем временем Ольсмин, стоявший над ним, посоветовал очевидное:

– Не пытайся встать, лежи пока.

Нейл и не пытался. Только уперся в землю подошвами ног, а пальцами рук перебирал короткую травку, прораставшую бугорками на теплом песке. Отчасти он был благодарен старику. Но кто они и что от него хотят?!.. Однако высоковольтное напряжение внутри него ослабло. А Нейлу было уже всё безразлично! Он нашел в себе силы только, чтобы выразить иронично:

– Что?.. Запланированная сцена «Возвращение блудного сына» не удалась? Мы так и разойдемся, или они еще вернуться?

Потому что «странные обитатели странного Сада» покидали поляну; он же испытывал что-то вроде разочарования, как будто ему было что-то обещано и не исполнено!

– Кто-нибудь тебя вынудил прийти сюда?!.. Не ты сам просил о помощи?! – голос прозвучал где-то внутри Нейла.

Его собственный, эхом отдавшийся у него в голове?.. Возможно, так люди в древности принимали за голоса богов, звучащие с небес, свое собственное интуитивное «я», поначалу говорившее с ними громогласно. Но это был не его голос. И даже не голос Ольсмина... – другой тональности, но очень ему знакомый, он как бы прорвал ватную пелену у него в ушах.

Нейл сделал усилие и сел. Кажется, тот своим гневом парадоксально помог ему освободиться от части переполнявшей и обессиливавшей его энергии. Кто-то здесь, помимо него, был способен не на одну только «сногшибательную

любовь»! «Они все любят друг друга... Что-то вроде общины мормонов?» И сам удивился собственному странному предположению.

– Разве, ты не видишь, что он до мозга костей человек!! – тот же голос воскликнул внутри него так, что Нейл невольно схватился за голову, дезориентированный непонятной ему, обращенной против него горечью.

– И ты все-таки привел его сюда! – не успокаивался тот, негодуя и осуждая. Он обращался к Ольсмину, но причинял Нейлу сильный дискомфорт, почти болезненное ощущение. – Как долго тебе пришлось уламывать его, чтоб он согласился наконец принять твою помощь и осчастливить нас своим визитом?!

Теперь Нейл видел его фигуру. Только в глазах у него мутилось, как тогда у водопада, и он не мог сфокусировать свой взгляд. Говорящий как будто не позволял ему увидеть его. Странно, но так! А Нейл даже заслонил глаза рукой, как от яркого света, пытаясь и защититься, и рассмотреть его.

Не все ушли с поляны. Сиддхи! Так он должен был их называть? На лужке их осталось совсем немного, и они по-прежнему не приближались к нему – по крайней мере не все вместе.

– А они похожи! – произнес молодой женский голос слегка удивленно. Похожи... похожи... похожи... Легкое эхо разнеслось по чащам Сада, затухая. Нейл увидел говорившую прямо перед собой: девушка, фигура которой странно при-

двигалась к нему, вместе с каждым произнесенным ею словом. Если только это не была еще одна оптическая иллюзия. Нейл, как замороженный, смотрел на ее губы. Смотрел и вспоминал Мети... Когда-то он увидел ее на берегу моря, и она была не старше этой девочки. Это было безумно давно, хотя он не чувствовал себя таким уж стариком!

Глаза девушки были и темными, и яркими, они смотрели на него близко. Но как бы рассеянно: словно не на него, а сквозь и мимо. Так на него смотрел старик, а потому Нейл решил, что девушка – должно быть, его дочь. Для взрослой «внучки» тот был бы, пожалуй, слишком молод!

Она была безупречна в своей юности. Чистый, почти светящийся овал лица, бледная кожа, тонкий разлет бровей и волосы, темные, с медным отблеском, убранные назад. Складки легкой одежды драпировали ее фигуру и струились волнами на неосязаемом ветерке. Но, кажется, она что-то сказала?..

А тем временем всё тот же голос, о котором Нейл на какие-то мгновения забыл, снова атаковал его, напоминая ему о себе:

– Ты деградировал среди людей?!.. Или остался наполовину ребенком, нуждающимся в болтовне?!!

Губы Нейла сложили сами:

– Тарис...

И прежде, чем он смог удивиться, тот принял сказанное им и отозвался резко, иронично:

– Не произноси мое имя. Ты даже не знаешь, кто я!

Он действительно не знал, чувствовал себя слегка растерянным, а тот, похоже, прекрасно понимал, как он себя чувствует! Склонив голову и щурясь, Нейл всё еще силился разглядеть лицо говорившего, но почему-то ему это никак не удавалось. Так, словно солнце слепило ему глаза. Но девушку он видел хорошо, и даже всплыло в голове имя: «Дайга?..» Имя показалось ему немного странным, но почему-то он не усомнился, что ее звали именно так. Нейл был дезориентирован. В какую игру они все здесь играли?!

И снова интуитивно попытался увидеть не желавшего себя показать. Хотя бы через взгляд девушки, ее глазами. Что за странная мысль! Но если существовала подобная возможность, тот с легкостью перекрыл ему и этот доступ, насмешливо и враждебно продолжая:

– Признайся, Нейл, голова твоя опустела настолько, что тебе нужно заполнить ее хором голосов?!

Он кажется обвинял его в чем-то? Кроме того, скрывавшийся от него под «маской света» откуда-то знал его имя! Но в чем именно он его обвинял? Что ему нужно, в конце концов?!

«Пошел он к дьяволу!!..» – Нейл был всерьез разозлен нелепым, нелояльным поведением незнакомца. И всё еще сидя на земле, ответил ему со всей агрессивностью, какую только смог вытащить из себя в этот момент:

– Мне не нужен хор голосов! А нужно всего лишь чело-

вечес- ...

И осекся на полуслове, чувствуя как будто что-то неуместное в том, что хотел сказать: «Человеческое отношение»!

Сейчас два совершенно противоположных чувства боролись в нем. Как вдруг промелькнул один очень давний, очень странный сон, который он когда-то рассказывал кому-то. Сон или некая аллегория?..

Часть 2. Главы 11-20

11. Сны никогда не спавшего

... На этот раз «сон» рассказывал он, кому-то, чьего лица пока не видел. Во сне он и один тип собирались сразиться в поединке на коротких, широких клинках. Но это был не просто поединок, скорее столкновение сил, которые они собой олицетворяли: «добро» и «зло» – не меньше того! Поэтому позже он назвал всё это притчей.

(Наверное, нескромно было с его, Нейла, стороны считать себя олицетворением добра! И рассказывая это кому-то, он даже рассмеялся.)

На них, готовых сразиться, были какие-то странные, старинного покроя одежды. На том, другом, что-то мрачно-серое и гематитовый браслет на запястье: кровавый, с железным блеском черный гематит, похожий на запекшуюся кровь, сверкавший в серебряной оправе. Оберег воина в бою, «черный алмаз», «железная роза». Но и у самого Нейла был оберег... Из белого сфалерита, конечно! Чей-то дорогой ему подарок.

Противник сделал довольно неожиданный выпад и, едва задев ему руку, остановился, выжидая. Что было не по правилам, и нападавший молча это признал.

– Ничего... – ответил Нейл, демонстративно заматывая се-

бе руку платком. – Давай, продолжай!

Правда, он произнес эти слова несколько вызывающе, как бы желая упрекнуть и тоном, и жестом. Его противник не был воплощением справедливости, и хорошо уже, что тот дал ему какое-то время! А Нейл решил, что вид сочащейся сквозь повязку крови сейчас раззадорит врага, как зверя: у него был нюх на кровь и желание крови! Он был антипатичен ему, между ними лежала пропасть: лишь вражда и ничего общего – враги по сути своей.

Впрочем, кажется, тот ничего лично против него не имел... Всего лишь собирался его убить! И хотя их сражение было пока лишь тренировкой перед официальным боем – тренировка была совсем нешуточной: речь шла о возможной смерти одного из них. Вот только одно было странно... Похоже, их столкновение происходило уже далеко не в первый раз, и тем не менее они оба были ещё живы. Оба бессмертные, в физическом обличье уязвимые, – в смертном теле! Но сейчас, без свидетелей, когда за ними никто не наблюдал, они были словно отчасти «свои», пусть и закоренелые враги.

– Ну давай! – сказал Нейл.

И они снова начали скрещивать короткие клинки, и почти сразу лезвие оружия противника коснулось его, замерло у его левого бока. А у него замерло внутри от того ничтожного расстояния, что отделяло клинок от его тела – на милость врага!

– Ну так как же?.. Колоть? – после нескольких зависших

мгновений спросил негодай. Вернее, сказал что-то, что могло означать: «Кончать тебя сейчас или повременим с этим до настоящего поединка?». Спросил спокойно, как будто это касалось какой-то обыденности. («Будни Вечности! Может ли игра двух вечных закончится когда-нибудь летальным исходом?») А он, пусть это было недостойно, отказался:

– Подожди.

Отказался умирать! Наверное, это было не по-геройски и неблагородно: не положено защитнику добра идти на какие-то сделки и компромиссы с представителем зла! Пойти на уловку можно разве что во имя спасения справедливости. Добру была обещана... Нет, ему полагалась победа! Добро должно быть всегда сильнее. Верил ли он во всё это искренне?

В прошлый раз... В прошлый раз Нейл проявил чудеса в технике владения оружием: это была классная, почти театральная победа! Проявил ли он тогда такую же милость к врагу? Так или иначе, тот был еще жив!

Итак, нужно было переиграть эту партию и привести всё в норму... Сила всегда за правдой, а он мысленно всё еще настаивал на этом. Враг согласился с ним, даже если быть великодушным ему не полагалось. Тот и не был таким; просто кивнул, зло и равнодушно, в соответствии со своей натурой. А он («представитель добра»!) не был вполне уверен, что, окажись победа на этот раз на его стороне, он проявил бы по отношению к нему такое же великодушие и не проткнул бы

его насквозь: «К злу нельзя быть милосердным – и точка!»

И тот, наверняка, убил бы его! Но противник не только дал ему шанс, он, как ни странно, как будто даже признавал за ним право на победу:

– Ладно. Давай еще разок.

Скрестили клинки. И почти сразу, к собственному изумлению и разочарованию, Нейл снова проиграл. И опять смерть на кончике острия, на этот раз у самой его груди! И опять тот задержал руку и не вонзил в него клинок, а сказал:

– Ну вот видишь. Так что же будем делать?..

(И действительно, что происходило?!)

Будь он... будь он простой человек, у него выступила бы холодная испарина на лбу: «Что-то не так... Что-то явно не так!» Естественно, это он должен был быть подобием неуязвимого мага! Стал напряженно вычислять: «В чем же дело? Какое сегодня число?.. А, вот он, ответ!» Сила его врага иссякала на грани этого месяца, его же возрастала в начале следующего. Но и это никак не укладывалось в рамки: новый месяц уже начался, а значит, преимущество было «на стороне добра». Так в чем же дело?!..

Противник тем временем, не ожидая больше, когда он закончит свои рассуждения и подсчеты, уходил... Он уходил, повернувшись к нему незащищенной спиной, словно презирал опасность или, может быть, тем самым давал ему третий шанс!.. Соблазн промелькнул, но Нейл не захотел воспользоваться предоставившейся ему возможностью: желал он то-

го или нет, ему полагалось быть справедливым.

Нет, конечно, он не хотел, чтоб тот вырвал у него победу и не хотел подвергать себя риску смерти и всё же намеревался быть с ним до конца честным. В общем-то, они были в каком-то смысле «коллеги»: участвовали в одном общем деле. И за спиной уходящего он проинформировал его честно о своих преимуществах.

– Мы должны сразиться на середине времени, – сказал он, – между двумя месяцами. Так, чтоб ни у кого из нас не было перевеса!

На что, судя по всему, тому было откровенно наплевать. Как и следовало ожидать, он был совершенно равнодушен к справедливости. Обернулся и хмыкнул:

– Моя сила иссякает тридцатого, твоя начинается с первого. Сегодня тридцать первое. Сегодня один из нас наконец умрет.

Повернулся и пошел прочь. Нейл не стал его окликать: тот, положительно, был ему не симпатичен. И на какое-то время они разошлись. Наверное, в ожидании того самого настоящего сражения...

Сражение... Солдаты... Они сидели на грязном полу вагона военного эшелона, в ожидании отправления на фронт, молодые парни. Он шел среди них, через вагон, перешагивая через их вытянутые ноги. Казалось, они даже не замечали его, а, может быть, на самом деле не видели. Он же слышал все их разговоры. Они обсуждали какое-то отравляющее ве-

щество, которое их враги могли применить! Какое оно могло быть на запах, вкус... Они еще не знали о том, что их ждало. А он знал.

Но когда позже Нейл и его противник снова встретились, они были уже не одни. Вместе с ними был какой-то человек, который должен был отвезти их на арену сражения. А Нейл всё еще надеялся на равновесии сил. И даже хотел убедить своего потенциального врага в том, что, по сути, между ними не было никакой вражды! Ни вражды, ни симпатии – ничего. Тот, злобный, упертый, молчал и тупо отрицал их нейтралитет. Потом, вдруг молча будто слегка кивнул, согласный с ним в каких-то общих чертах.

И тогда Нейл попытался обратить те же самые слова к человеку.

– Это вы, люди, – говорил он ему, пытаюсь точно так же убедить, словно разбудить его, – сталкиваете нас! А между нами нет ничего, никакого принципиального различия. Вы, как дети... Мы делаем лишь то, что хотелось бы вам!

Враг поддержал его еще одним слабым кивком. Но человек был то ли глух, то ли еще менее чувствителен, более равнодушен, чем «представитель зла», с которым он, «представитель добра», по крайней мере смог как-то договориться! Человек же молча вез их на арену...

И кому он всё это рассказывал?!..

12. Мечущий молнии брат

... Откуда-то взялась маленькая девочка с удивительно ясными глазами и светлыми волосами. Пока Нейл в раздумье констатировал внутри себя: «Здесь есть и дети!», она спросила его удивленно:

– Тебе, действительно, нужно чтоб с тобой говорили?

И добавила, словно утешая его по-своему, по-детски:

– Я тоже иногда говорю, даже с цветами, они меня слушают. Это смешно!

Ее имя было подобно тонкой, хрупкой льдинке: Ольдинка. Откуда он это знал? А потом пришла – как бы из пустоты – молодая женщина и позвала девочку по имени, и произнесла именно то, что он думал. И имя этой женщины Нейл тоже знал! Малива – имя очень подходило к ее медного цвета волосам, и лицо ее казалось ему смутно знакомым. Женщина мягко взяла девочку за плечи, собираясь увести ее с собой, со словами:

– Сейчас ему нужен просто отдых, длинный отдых.

– И энергетический напиток, – добавила девочка убежденно, но уже где-то поодаль от него.

Малива – имя из далекого детства?... Он не был уверен, но вспомнил привидевшееся ему в низине: дети прыгали один за другим, почти перелетая с необычной легкостью через каскадики, с камня на камень, на противоположный берег ручья – два мальчика и маленькая светловолосая девочка.

Но у женщины были медного цвета волосы, и в ней угадывалось сходство с Ольсмином, как если бы она была его

дочерью. И еще она была похожа на ту темноволосую, медноволосую девушку Дайгу, словно сестра.

Вот только лицо своей «сестры», Мети, он так и не вспомнил ясно. Зато какое-то другое воспоминание промелькнуло внутри Нейла: полузаросшая травой старая железная дорога и куча темного тряпья, брошенная между ржавых рельс. «Куча тряпья» шевельнулась... Села девушка... Растрепанная, удивительно светловолосая девушка-альбинос! Ее глаза... Он никогда не видел таких странных глаз. Или, может, видел когда-то, как будто в какой-то другой своей жизни. Нейл буквально вошел в этот взгляд, как намагниченный им! А кто-то звал его позади, он слышал, но почему-то не отвечал. Еще один сон?!

А тем временем детский голосок, удивляясь, говорил уже где-то вдалеке:

– Он умеет спать? Я никогда не сплю!

И после паузы добавил:

– Когда он выздоровеет, я покажу ему лабиринт и пруд, где живет рыбка Тильси! А он совсем забыл о нас?!..

– Он вспомнит, – заверила женщина терпеливо. – Но сначала отведем его в дом, чтоб он хорошо отдохнул и набрался сил.

Не считая того, что девочка по какой-то причине «никогда не спала», – вполне обычный разговор. Не принимая во внимание слова проявившего в отношении его агрессию и сейчас вдруг куда-то исчезнувшего!

Нейл снова думал: разве, он чем-то болен?.. Но он пришел сюда на своих ногах и не был настолько разбитым и изможденным, как сейчас! А после встречи с этими людьми с ним что-то происходило. Однако, если здесь ему уже приготовлено какое-то жилье, значит они заранее знали о его приходе. Домик при лечебном корпусе... Какого-то типа санаторий. («Ты только что думал, что это религиозная община, мормоны!» – саркастически напомнил ему внутренний голос.)

– Какой дом?.. Тот дом? – детский голосок эхом затихал где-то в стороне и наконец исчез, растворился, и – девочка вместе с ним. Если только ребенок вообще существовал! Если все они не были плодом его фантазии!

Кого еще было готово создать его воображение? На поляне остались одни лишь старики, женщины и дети. «Отобранные по какому-то энергетическому признаку?» – спросил себя Нейл.

И будто в ответ на этот вопрос появился, материализовался, паренек... Теперь у Нейла получалось очень складно: едва взглянув на возникшего перед ним, он уже откуда-то знал его имя! Предполагаемое имя появившегося было Толис, и оно ему очень подходило. У парня были длинные светло-каштановые волосы, он был в хорошей спортивной форме. В далекой земной древности – в каком-то смысле знакомой Нейлу – такого юношу назвали бы «эфеб». По-видимому, историк, этнограф по профессии, Нейл придиричливо оглядывал «сценическое одеяние»: легкую, подпоясанную тунику и санда-

лии. Все они были одеты как для сцены. Для простых ролевиков у них были очень неплохие костюмы! Но исторической достоверности в них было маловато.

Тот, глядевший куда-то мимо него рассеянным взглядом, как будто услышав, повернул голову и взглянул на Нейла. Наверное, не слишком оценив отношение к себе, как к наполовину ребенку! У него были светлые глаза, которые так же, как глаза Ольсмина, казалось, меняли свой цвет: то светлые, то темный обсидиан внутри. И пока Нейл задавался вопросом, объединены ли обитатели Сада какой-то степенью родства, парень спросил у него с некоторым вызовом:

– Когда люди встречаются после очень долгого расставания, они чувствуют то же самое, что чувствуем мы? У них есть энергетическое единение и знание друг друга?

Ну да, конечно, Нейл совершенно забыл: они же здесь не люди, а сиддхи! «Сиддхи, – напомнил он себе, – это не земные йоги с особыми способностями! Пришедшие с райских планет... боги?! Райский сад!?! Бред!..»

Мальчишка, кажется, ожидал от него какого-то ответа, но Нейл так и не ответил. А вместо этого думал о другом...

Солдат, вернувшийся домой, выживший на долгой, беспощадной войне, сжимает в крепких объятиях старушку-мать, отца, брата, сестру и еще совсем не старую, желанную жену, ребенка (выросшего у него в мыслях!), оставшихся в живых друзей... Но уже на следующий день эмоции идут на спад, как угарная пьяная радость, и начинают постепенно возвра-

щаться первые взаимные разочарования и горечь! Испытывал ли он когда-нибудь нечто подобное? Слова, не несущие комфорт, неловкие объятия, возгласы и взгляды, а за неимением большего – простые похлопывания по плечу.

Вероятно, он был всегда один и справлялся со своими проблемами. Вот и сейчас, он был готов справиться со всем, происходящим с ним, сам. Нет, кажется, Нейл действительно нуждался в помощи... Далеко ли был тот обещанный ему дом? Та женщина с волосами цвета меди была права: всё, что ему требовалось сейчас – это где-то отлежаться. Слишком много всего свалилось на него неожиданно, от чего голова шла кругом. А память пока так и не вернулась, и это немало тревожило Нейла.

Мальчишка исчез куда-то, не получив от него ответа.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Ольсмин, возникая рядом, словно возвращаясь откуда-то. «Отлично!» – ему хотелось ответить иронично, но вместо этого он сказал:

– Я устал.

– Конечно, – тот понимающе кивнул. Затем подтвердил: – Твой дом уже готов. Здесь, недалеко.

(«Дом?!» Он не ошибся: они выделили ему в распоряжение целый небольшой коттедж?)

– Как он себя чувствует? – еще один голос вмешался, совершенно другой. И в стороне возник старик, обратившийся к Ольсмину, но даже не приблизившийся к Нейлу. Вот уж действительно настоящий старец! Крепкий, он опирался

обеими руками на резной, извилистый посох, едва ли ему нужный. Но и его возраст, как в случае Ольсмина, ускользал от точного определения. «Цепочка бесконечных возрастов почти бессмертной жизни!» – пришло Нейлу в голову нечто странное. И всё же некая усталость в старике ощущалась, не физическая, какого-то другого рода: может быть, несмотря на всю свою внутреннюю силу, он просто устал от этого мира. Земная усталость – иногда, всего лишь обратная сторона растущей внутри лучистой силы! Еще одна престранная мысль.

«Рудсмик!..» – как-то особенно, по-мальчишески радуясь, воскликнул про себя Нейл, хотя тот как будто проигнорировал его.

– Сильно изможден, – хмурясь, признал Ольсмин и добавил: – Но несмотря на это он смог преодолеть барьер Сада сам. Человеческое в нем не настолько сильно, чтоб причинить Саду какой-то вред.

Нейл слушал эту их декламацию, переводя взгляд с одного на другого. Рудсмик чуть кивнул, соглашаясь:

– Какой «вред» он мог бы причинить нам? В этом мире всё слишком молодо и слабо. Но ты знаешь... Если в нем ничего не изменится, скорее, он сам не сможет остаться здесь. В этом опасность для него.

Ольсмин молчал, а Нейл улавливал его озабоченность и печаль. Но почему тот проявлял к нему такое участие? Женский голос позади Нейла спросил:

– Ольсмин, мог ли он пройти Охранный Барьер Сада один, без тебя? Или ты невольно помог ему! Я спрашиваю это, потому что... Проходя Грань, едва ли он был достаточно осторожен, чтоб не увлечь за собой что-то. Что мы не хотели бы иметь здесь!

Но о чем они говорили?! О какой-то «грани»! И говорили в его присутствии так, словно его здесь не было, словно он не мог их слышать. Всё это не могло ему нравиться.

Старик отозвался с легкой горечью:

– Ты права. Возможно, я потерял навыки осторожности и поступил опрометчиво. Учítывая, что последние «гости» здесь были тысячи земных лет назад. И то, лишь вблизи Сада, не в самом Саду!

А говорившая с ним уже и сама, как будто устыдившись своих слов, поправила себя, явно огорченная:

– Я не упрекаю, я вполне тебя понимаю!

Тысячи земных лет?.. Что за бред!?! А Нейл устал, так, словно эти тысячи лет были действительно внутри него. Он прикрыл глаза, воображая, что все присутствующие рядом – лишь тени, образы, которые он сам же, в бреду, создает. И сам же управляет этой фантастической декламацией, как дирижер, руководящий песенным речитативом. Лишь один голос нарушал стройность созданной им партитуры. Можно сказать, портил ему всё! Так в большом праздничном зале, полном ровно разлитого гула голосов, прорывается один-единственный голос, нарушающий праздник. Тот странно

знакомый, не оставивший Нейла в покое.

Нейл вскинул руку, с ладонью, обращенной вперед, неосознанно повторяя жест Ольсмина. Защищаясь левой рукой, сам же чуть отклоняясь вправо. А тот рассмеялся его неловкому приему, не скрывая своего презрения. «Боги могут быть еще и жестоки?!» Впрочем в смехе его был и оттенок жалости. Но с чего вдруг тот жалел его?!

– Да он и сейчас судит о нас только по-человечески! – воскликнул тот осуждающе. – Страх, недоверие, вражда..! Все его реакции, без исключения, человеческие. Жалкие обрывки эмоций! Никто его не гонит из Сада – он сам чувствует себя здесь чужим.

– Тарис! – прогремел в ответ Ольсмин. – Если он, по-твоему, нуждается в человеческом, то почему бы тебе не пойти навстречу и не обнять твоего брата, просто, по-человечески?.. Если ты так велик, что презираешь «низкие для тебя земные эмоции», не должен ли ты сам первый быть «выше и благороднее»?

Нуждается в человеческом?.. Брат?!.. В каком смысле «брат»?!! Еще одна какая-нибудь метафора: они все здесь братья и сестры по общине? Нейл сделал новую попытку пробиться сквозь странный туманец и увидеть стоящего напротив.

... Видение. Лес был полон солнечных бликов: осинник, березняк, орешник – молодой лесок. Многочисленные пятна света и легкие тени скользили по их лицам и обнаженным до

плеч рукам. Всё вокруг казалось осветленным их собственной юностью. Лес был молодым и они сами – подростки, на вид. На вид?!.. На них был странный наряд. «Подобный античному», – решил внутри себя Нейл, который в этот момент был сторонним наблюдателем. Не хватало только луков и колчанов за плечами ребят из древности, вышедших поохотиться в лесу.

И снова Нейл – как тогда у водопада – как бы раздваивался. Он, наблюдающий со стороны двух юных «охотников» в лесу, полном света и тени. И он же, в лесу, глядящий на собственное плечо: длинная прядь светлых, словно выцветших на солнце каштановых волос упала ему на плечо поверх выющейся тонко цепочки знаков, будто тонко нарисованных темной тушью. Они уподоблялись людям, им требовалась мистическая помощь узора?..

Один забавный земном миф говорил о том, что светящиеся после смерти татуировки помогут человеку пройти над мраком Провала Безвременья к Раю! Забавно, но – всего лишь миф. И еще ему, Нейлу, вспомнился сон.

– Рассказать тебе один странный сон? – спросил Нейл.

– Сон? – Тарис обернулся к нему, и Нейл был готов увидеть лицо брата, но густые узорные тени скрывали его.

– Ну, не совсем сон...

– Расскажи.

Нейл начал:

– Я и еще один тип... Не знаю кто. Мы должны были сра-

зиться! У нас были... Такие вот короткие клинки!

И он сделал жест, рисуя в воздухе. Но в этот момент другое видение вторглось настойчиво, вклинилось, перебивая первое, и оба его видения слились между собой. Ветер свистел в ушах Нейла. Вокруг – холодная пустыня... Разворачивались с трепетом и хлопали, полоскались на ветру длинные плащи двух, собиравшихся сразиться!

... А у него и сейчас было такое ощущение, будто они собирались сразиться! Попытка Нейла снять прикрытие со стоящего напротив него была откинута тем с легкостью. «Брат» отбросил и его самого назад, на землю, даже не прикоснувшись к нему! Или просто Нейл, попытавшийся подняться, сам упал, но какая-то странная сила заставила его еще и прокатиться метра полтора по песку и траве!

– Тарис!!! – прогремел голос Ольсмина. Из чего Нейл понял, что происходящее с ним как бы не случайно!

Разборка продолжалась, но уже между стариком и невидимкой, а Нейл лишь бессильно присутствовал при разыгравшемся. И как бы ни разворачивался на самом деле этот странный диалог, для него он был подобен... «вспышкам света»? Или что-то вроде! А он защищался от них как мог.

– Ты поспешил привести его сюда, даже не удостоверившись в его сущности и его намерениях! – обвинял его предполагаемый брат. – Скажи, почему он поставил на себе этот «заслон»?! Что он пытается скрыть от нас? Уж не собирается ли он... – и последовала насмешка – и нас «превратить в

людей»!?! Надеюсь, что ты не совершил большую ошибку, приведя его сюда. А завтра что?.. Мы пригласим в Сад первого встретившегося нам человека?!

Кажется, Ольсмин ответил только:

– Ты не прав. В тебе всего лишь говорит твоя горечь!

А Нейл, сражённый, полулежал на земле, сгребая в невольнo сжимавшиеся кулаки пучки короткой мягкой травы. Но не рвал траву, ощущал на своих ладонях ее деликатное, ласковое и успокаивающее прикосновение. Собравшись с силами, он снова сделал попытку подняться. Должен же он был как-то противостоять ему! Но Тарис... – или как там его звали! – указал ему резко жестом:

– Лежи там, где ты лежал!

– Тарис! – на этот раз воскликнул старый Рудсмик, и голос его прозвучал укоряюще сурово. – В этом все эти годы заключалось твое намерение помочь брату?!..

А Нейл морщась, схватился за голову, которую словно что-то взяло в кольцо, и даже ощутил приступ тошноты. Вzbешённый, он решил, во что бы то ни стало – пусть у него даже взорвется голова – увидеть лицо своего противника. Что тот имел против него?! Пусть объяснит, чем он ему насолил, что ему надо. И с какой стати он должен был считать его своим... «братом»!

– Ты слышишь? – возмутился «невидимый». – Не я, а он!.. Слышишь его мысли?!

– Эй!.. – заорал Нейл, потеряв всякое терпение. – Что тебе

нужно от меня?! Какого черта... Чего ты хочешь?!!

– Что мне нужно от тебя?.. – парировал тот иронично и гневно. – Хочешь увидеть мое лицо? Узнать кто я? Но на себя ты поставил крепкий заслон, перекрыл все доступы и что-то не слишком торопишься узнать всю правду! Удобно врать себе? Верно, Нейл?!.. Где ты был до сих пор? Что с тобой? Но хочешь, я могу помочь, пробьем вместе брешь в твоём заслоне! Хочешь?!..

В его выражении чувств было что-то настолько сильное, что Нейл ощутил этот его монолог, как «взрыв в лицо». Откачнулся, как ослепленный и оглушенный, закрыл лицо руками. Голоса были теперь где-то очень далеко, будто за ватным слоем или в глубине колодца. «Тарис, у него нет твоих сил!» – упрекнул кто-то. «Так ты убьешь его», – говорил другой. «Он пришел за помощью...» – добавил третий, и тоже укоряя.

Возможно ли, что всё это было лишь частью его бреда?! Что он, Нейл, всё еще лежал в песках, и его просто лихорадило. Такой сложный болезненный бред, в котором не его брат – о котором он ничего не знал – нападал на него, а сам же Нейл кричал на себя, и сам на себя нападал!

– Рассказать тебе странный сон?.. – спрашивал он, еще мальчишка, где-то там, в солнечном лесу.

– Сон? – Тарис обернулся. Густые, узорные тени колебались на его лице и волосах...

Кто-то встал между ними, как тенью загородив Нейла от

его «врага», прикрыв его собой. И сразу стало легче дышать, однако Нейл чувствовал себя разбитым, больным. Это опять вмешался старик, разводя их раскинутыми в стороны руками, как разводят собирающихся сцепиться драчунов, и как будто связывая их вместе этим же самым жестом! Тарис, казалось, смутился, смирился и отступил. Намеревался ли он и в самом деле причинить Нейлу какой-то вред?! Затем... Направил ступок нерастраченной энергии вверх, разряжая ее в воздух. И сразу вслед за этим стал накрапывать тонкий дождик... Полная фантастика! Моросью он покрыл лицо Нейла.

С трудом выговаривая слова, – горло перехватывало, – Нейл обратился к своему спутнику и защитнику, спрашивая его:

– Кто это?..

И с большим усилием всё-таки поднялся на ноги. А тот с печалью ответил:

– Твой брат.

Теперь Нейл и мог бы, но не решался или не хотел взглянуть в лицо тому, кого называли его братом.

(«Они похожи», – моментом раньше произнесла та темноволосая девушка, Дайга, чуть удивленно. «Похожи... похожи... похожи...» – отдалось шелестящим, как шепот, эхом по всему странному саду.)

Нейл не удержался, поднял глаза на стоявшего напротив. Тот был одет, как и все присутствующие, во что-то светлое; волосы у него были темные, фигура пусть и не сильно атле-

тическая, но вполне гармонично сложенная; они были примерно одного роста. Тот стоял перед Нейлом, как готовый к бою гладиатор, заряженный в каждом мускуле. Лицо узнаваемое... Где-то Нейл уже видел его. Да в зеркале, конечно, где еще! Его близнец?! Взгляд «у парня» был пронзительным, устремлённым прямо на него и, казалось, насквозь. Сколько примерно ему было лет? На вид еще довольно молодой. Сам же Нейл не чувствовал себя таким: усталый и опустошенный внутри. Возможно, даже с первой сединой в волосах. Хотелось бы ему увидеть самого себя сейчас!

Сыпал мелкий дождь... А та темноволосая, медноволосая девочка, снова подошедшая к ним, развела медленно руки в стороны, сотворяя в воздухе что-то вроде арки. Как это у нее получилось?! Нехитрый трюк молодой иллюзионистки. И вот, теперь между Нейлом и тем другим, стоял живой двойник Нейла, сотканный из мороси! Его водяной портрет в полный рост. Затем, фантом словно осел вниз, рассыпаясь на мелкие брызги. Тысячи блёсток в воздухе!

– Закрой глаза и не смотри, а то вдруг... Вдруг поверишь! Ты ведь всегда был упрямым, – тот, напротив него, иронизировал, но уже как-то снисходительно. Потом добавил, всё еще иронизируя: – А это?.. Не может быть! Слезы?!.. Нет, капли дождя. Всего лишь Защитный Купол приоткрылся!

– Тарис! – еще раз гневно осудил его Рудсмик, как одергивают молодого, глупого мальчишку.

– Нет, мы не близнецы! – продолжал тот с легкой издев-

кой. – Ты меня старше на целых... семьсот тридцать земных дней, старик! Посчитай сколько это будет по садовому времени.

И ответил Рудсмику:

– Я ухожу!

Повернулся, направляясь к плотным, густо сплетенным зарослям, словно собираясь пройти их насквозь. Кинул Нейлу, глядящему ему в спину, не оборачиваясь:

– Иди домой, в свой «коттедж»! Тебя проводят, если ты забыл дорогу! Поспи немного... Ты, наверное, научился спать за столько лет? Брат!

Довольный «нанесенным ударом» или все-таки снисходительный к его слабости? Равнодушный? Тот исчез буквально у него на глазах!

А Нейл ничего не понимал. Ровным счетом ничего! Но он устал от всей этой фата-морганы! Слегка отступил, колени как ватные, еще больше дезориентированный и раздраженный собственным бессилием. Потом рухнул на колени, словно тот подрубил ему ноги и заорал вслед исчезнувшему:

– Тар!!!!!!...

13. Человеческая озабоченность

... – Не обращай внимания, это всего лишь горечь, накопившаяся в нем за все годы твоего отсутствия! – Ольсмин оправдывал ушедшего.

– В самом деле годы?... – не открывая закрытых глаз, про-

бормотал уставший удивляться Нейл.

– Мы думали, что потеряли тебя навсегда, Нейл. Отсюда и его гнев! На самом деле, твой брат счастлив, что ты жив. А это всего лишь обратная сторона того же самого чувства: горечь взорвалась в нем! Вы оба еще молоды и не научились не проявлять разрушительные по силе излишки своих эмоций.

Потом, помолчав, добавил:

– И будь уверен, он первый пришел бы тебе на помощь, не будь меня.

– Конечно... И может, убил бы меня там на берегу! Как убил бы сейчас, если б не вмешался ты! – отозвался Нейл, достаточно разозленный, в подобии пьяного бессилия.

После еще одной паузы старик ответил ему:

– Сам подумай, разве он не прав, хотя бы отчасти? Ведь много лет назад ты бросил его, мальчишку, одного, в лесу за Гранью! И этого он не может тебе простить до сих пор. Но как ты мог, Нейл? Почему?!..

Он сделал что-то подобное? За гранью! Про эту грань Нейл уже был наслышан, но не вполне ясно представлял себе, о чем идет речь. Или, пожалуй, даже совсем не представлял. Некий «волшебный портал»?..!

– Годы? – переспросил он, прислушиваясь к самому себе с закрытыми глазами. – И скажи мне... Сколько же лет прошло?

– В Саду? – проговорил Ольсмин, словно не готовый дать ему сразу ответ. – Согласно нашему времени в Саду прошло

всего двадцать лет. Но на Земле, Нейл, с тех пор прошло очень много времени! Возможно, тебе это покажется невероятным.

– По вашим меркам? – повторил Нейл в сомнении. – А за пределами... этого места?

– Семь тысяч триста лет и три дня, Нейл, – проговорил наконец Ольсмин тихо и совершенно спокойно. – Земного времени.

– Что за бред!! – воскликнул Нейл, не принимая сказанное всерьез. И это резкое восклицание оказалось для него как бы последней каплей. Всё стало путаным и поплыло... Звучали слова какого-то знакомого-незнакомого языка. Странные тональности, мелодичный и шепчущий одновременно. Его бред был изощренным, изысканным. Фигуры появлялись и уплывали.

А затем всё слилось и смешалось. Протяжный звук как бы слоился: не то длинное «а–а–а...», не то длинное «о–о–о...». Хор своего рода, «звучание небесных сфер»! И во всем этом было что-то глубоко печальное, почти трагическое и завораживающее, а у Нейла перед глазами возникла темная старинная картина, одна из тех, что украшают дворцы...

Боги не теряют сознание... И не спят. Пьянеют? Рано или поздно, и они «умирают». Или просто уходят куда-то. Куда? И откуда он всё это знал?!

Его несли на руках? Не мог же он плыть по воздуху! Маленькая процессия, возглавляемая Рудсмиком, уходила по

тропинкам вглубь Сада... который и садом по сути нельзя было назвать – вглубь зеленого храма! Нейл слышал смутное щебетание и переливы птиц, гармоничный ропот и струение воды, мерное, густое жужжание пчел.

– На покой! – женщина с медными волосами остановила летевшую пчелу, и та зависла неподвижно прямо перед ее ладонью. Но больше чем полуфантастическая картина, Нейла поразили произнесенные ею слова: «На покой?! Да ведь день еще только начинался?»

Ему казалось, что он пролистнул этот день, как страницу книги. А Сад вокруг них казался странно бесконечным, бескрайним.

– Такой, что в нем можно заблудиться, даже если живешь здесь всю жизнь! – эти слова произнесла темноволосая девочка Дайга и, как будто смутившись, замолчала. А Нейл был заморожен блеском каждой песчинки на дорожке в уже мягком золотом свете кончающегося дня и смутным скольжением мимо шапок полевых цветов, подобным размытой акварели. Солнце нереально быстро катилось вниз по дуге к горизонту...

Женская рука медитативными движениями расставляла низкие, широкие свечи на тонкие желтоватые слюдяные блюдечки. Пламя, казалось, возникало само из-под ее руки, когда она на миг просто накрывала ладонью фитилек. Голосá... шепот, мягкий шепот, на том самом странном языке, вплетался в звучное капанье и переливы воды источника где-

то в глубине дома. Кто-то спросил:

– Он может пить нектар?

– Амброзия не вредит и людям.

– Но он не человек! – кто-то как будто вступился за него.

Ну конечно, та темноволосая девочка, у которой такое странное имя. Все их имена были странными. Это то, что называется «райским питьем»?.. Нектар?.. Нейл ощутил очень сильную жажду.

– Не пей всё сразу, – посоветовал ему Ольсмин. – Скоро ты почувствуешь себя гораздо лучше.

Напиток, сладкий, приятный, вливался между губ по каплям. Тем временем, судя по всему, старик собирался уходить; Нейл, успевший уже привыкнуть к его присутствию, испытал невольную тревогу. Но тот успокоил его жестом:

– Мы скоро увидимся, Нейл, я приду навестить тебя. А пока отдыхай спокойно!

И на мгновение у Нейла возникла небольшая галлюцинация: ему показалось, что он поднялся над своим лежащим телом, провожая старика до порога зала и теряя его по пути, как бы тающего в воздухе!

... Магические огоньки свеч зажглись, один за другим, по периметру маленького водоема, занимавшего центральную часть пустынного просторного зала. Его потолки были очень высокими, сводчатыми и арочные ниши в стенах – очень темными. Совсем не «маленький коттедж» – дворец!

Огоньки чуть колебались, отражаясь в низкой воде, освет-

ляя и без того еще светлые сумерки, однако воздух начал уже постепенно синеть. Воск свечей, смешанный с какими-то сухими семенами и травами, источал тонкий, едва ощутимый аромат. А Нейл, или лишь одна его тень, как бы пролетел через весь дом! Тот был похож на огромную створку светлой эллипсоидной раковины, которую обвивал внешний портик: колонная «стоя». И белый завиток лестницы огибал покатую стену, уводя куда-то на верх дома.

Ясная луна вошла на еще совсем светлое небо, и дом казался молочно-белым в ее свете. Колонны портика, похожие больше на ветвящиеся деревья, отбрасывали полупрозрачные тени внутрь дома, а высокие, в два этажа, потолки залов уже тонули во мраке. Нейл как бы пронесся сквозь высокие проемы, соединявшие три зала и лишь на миг задержался, слегка запутавшись в загораживавших их легких, как облако, газовых занавесях, спадавших с очень высоких притолок. Другой портик-стоя на задней стороне дома выходил в маленький тернистый садик, чащи которого уже совершенно утонули во тьме. Садик был полон ароматов и как бы тихого звона. А Нейл вернулся обратно в зал, где горели свечи и лег... Он смотрел на горящие свечи и на светлый от луны проем высоко в потолке, и на тянущееся вверх к проему извилистое дерево, растущее прямо из пола у края водоема.

Это походило на сон. «Боги не спят, – подумал он рассеянно и отстраненно. – «Боги» погружаются в долгое медитативное состояние, похожее на сон, но никогда не теряют

до конца бдительности. Особенно, если находятся в чужом им временном мире!» Но сейчас он был в райском Саду! И, расслабляясь еще, Нейл подумал: что он такое пил?! Но уже терял над собой контроль и углублялся в подобие забытья, подобие сна. Какое-то странное воспоминание всплывало...

14. У мальчика крылья... Внутри росписи

... «Какого черта им от меня нужно!?!» – примерно так он подумал или что-то в этом роде. Они смотрели на него, задрав головы:

– Эй, у мальчика крылья, что ли!?!..

Никаких крыльев у него не было... Идиоты! Однако, «малец» – звучало для него достаточно оскорбительно! И сколько примерно, по их мнению, лет мальцу? По их меркам ему и Тарису должно было быть лет шестнадцать-семнадцать. Ему! Так как Тариса рядом с Нейлом не было. А он, Нейл, завис под потолком!..

Да, они проживали свой земной возраст, но не бесшабашно, совсем не склонные к показному лихачеству, способные контролировать свои эмоции. Или по крайней мере так им самим казалось! Кажется, временами и они по-земному поддавались собственным импульсам, шли на неоправданный риск. А поскольку их способности еще не развернулись в полную силу, то рано или поздно одна такая ситуация могла оказаться им не по плечу. Так и случилось. Они влипли. Нет, влип он один! Дурацкое любопытство подвело его.

Здание, – вернее, как оказалось вблизи, его развалины, – верх которого едва виднелся за деревьями, чем-то напомнило знакомые им белые купола. Чем напомнило?.. Как можно было так обмануться! Вблизи их постигло сильное разочарование: строение, в смутном свете осеннего дня, было серое и тусклое, а они считывали его низкий энергетический фон.

Купол представлял собой частую стальную сеть, когда-то сплошь застекленную и еще щерившуюся остатками стекла. Сеть, полусплюсненная, изуродованная какой-то огромной силой, превратилась в сплошное стальное месиво! Массивные бетонные стены грозили неожиданным обвалом, и всё излучало негативную энергию, которую Нейл должен был почувствовать еще издалека! Он же имел глупость не только приблизиться, но войти внутрь через бывший портал здания, теперь похожий больше на провал в стене.

Тарис, младше него, оказался умнее: он говорил ему не входить, и сам остался под прикрытием деревьев, уже тронутых осенней желтизной. Осень, казалось наступила здесь еще раньше, чем в лесу по ту сторону Грани, которую они перешли. Младший брат тревожно оглядывался, но Нейл принял это за обыкновенную нерешительность и не стал его упрекать или высмеивать, сказал только, чтобы тот подождал его снаружи. Он сам собирался лишь кинуть взгляд, что там внутри. И в конце концов, старшим был он и решать было ему!

Эту мутную, гнетущую энергию Нейл чувствовал уже не в

первый раз... в этом мире за Гранью... в его запустелых полуразрушенных строениях. Однако он впервые оказался внутри подобного мертвого здания один; его словно привлекло что-то, что отвратило Тариса! Пусто... Под его ногами хрустел щебень. Вокруг был один лишь битый цемент и искореженный металл. А посреди полуразрушенного зала каким-то чудом выстояла массивная дубовая стенка в форме полукруга. Опаленная пожаром, но целая, она возвышалась на подиуме, к которому вели три широкие, низкие ступени, полузасыпанные землей, щебнем и битым стеклом.

Нейл попытался понять предназначение этой конструкции из памяти, запечатленной в древесине. Что вообще здесь произошло?!.. «Стойка», «прилавок» – человеческие слова приходили к нему, как всегда, легко. Но деревянное тело, давно умершее, лишенное души, не излучало ничего. На его изуродованном «труп» застыл лишь отпечаток безмолвного крика ужаса и боли. Лесорубка!

Толстый слой пыли, бетонная крошка, стекло... Нейл с сожалением прикоснулся к дубовой стенке рукой и начертил рассеянно на пыльной столешнице знак, надеясь извлечь еще хоть какую-то дополнительную информацию. Но то, что до него дошло, казалось ему какой-то бессмыслицей! Барьер, отделявший большую часть зала за плечами Нейла от меньшей перед ним, был в чем-то сродни прилавкам в пивных заведениях людей... И здесь то же ощущение человеческого одурения, забавного и отталкивающего. Хотя нет, что-то со-

всем другое... Ну конечно! Люди собирались здесь для коллективной медитации. Населявшие мир за Гранью тоже «медитировали», по-своему?

Он так и не успел ничего толком понять. Считывая почти угасшую информацию, вдруг обнаружил, что его собственная энергия практически на исходе. Прохождение Грани потребовало от него почти всех его сил; к тому же он должен был помогать Тарису, у которого это еще не вполне получалось. Всё равно, что взвалить его себе на плечи! Так каждый раз: после перехода Грани, Нейл выдыхался настолько, что ему приходилось искать что-то, что восстановило бы его силы. А они восстанавливались в нем далеко не сразу. Думали ли они о том, что когда-нибудь может случиться так, что Тарису придется одному, без него, открывать Грань, чтоб вернуться домой? И если не думали, значит в каком-то смысле уподоблялись обычным беспечным земным подросткам.

И именно в тот момент, когда он почувствовал, что его силы порядком истощены, вдруг обнаружил, что был в полуразрушенном здании не один.

– Эй, паренек!.. Ну-ка стой! – окликнул один из троих, быстро к нему приближавшихся.

Нейл интуитивно метнулся в сторону и, полуприсев, сразу разогнулся, отталкиваясь ногами от земли, руками – от воздуха, взлетел на стойку. Слишком легко для нормального прыжка? По крайней мере, это он еще мог!

– Держи его! Держи мальчика!... – они кинулись вперед, бо-

ясь упустить его. Но он еще и еще раз оттолкнулся, добавляя обычной мускульной энергии и загребая руками (крайний, отчаянный прием!). И – под их выкрики – поднялся довольно высоко в воздух. Выше и выше... Пока не оказался распластанным, как вдавленным в то самое стальное месиво, в сеть купольного каркаса, глядя оттуда вниз, на них. Больше этого он не мог сделать ничего!

Возможно, не стоило демонстрировать им свои способности, но что-то говорило ему, что это не слишком их удивило. Кажется, они ожидали от него чего-то подобного. Что им было нужно!?!.. Двое сразу вскарабкались следом за ним на стенку и, как собаки, стали прыгать, вверх, при этом размахивая нелепо руками! Непонятно, на что они рассчитывали. Пока что он был вне их досягаемости! Двое... А третий остался внизу, оглядываясь по сторонам, как будто в поисках чего-то, что потерял.

Нейл покосился на петли тяжелой сети. Вблизи него все они были настолько искорежены, что в них мог бы пролезть разве что совсем маленький ребенок, а дальше массивные сплетения шли волнами путаного лома. И такими же путаными были его мысли, типа: раздвинуть стальные петли, преобразовать их в метаморфозе, к примеру, в ветви огромного дерева! Но на деле всё это казалось чистой фантастикой. Проще говоря, он оказался в ловушке, почти как самый обыкновенный мальчишка! Разве что довольно странный паренек...

Двое, стоявшие на барьере, не спускали с него глаз, гото-

вые рвануть за ним в любую минуту, куда бы он ни подался. В руках у них пока ничего не было, но Нейл по опыту уже знал, что люди не остаются долго безоружными, всегда находят себе какие-то подручные средства!

– Слазь!.. – проговорил в наступившей тишине один. Голос его гулко отдался в развалинах. Тем временем их предприимчивый приятель, оставшийся внизу, обмотал руку каким-то тряпьем, и пытался зачем-то выломать длинный железный прут, торчащий из кучи щебня. Прут пока не поддавался, хотя и немного раскачивался. Их бессмысленное поведение дезориентировало и невольно пугало Нейла. Он не мог вполне понять их намерения. Их головы казались ему наполовину пустыми, а он не испытывал желания – в подобию отвращения – копаться, отыскивая в них стоящие его внимания мысли. Надежды на то, что один из них вдруг поскользнется на битом стекле и рухнет с барьера, сломав себе шею, почти не было! Разве что он, Нейл, сумел бы сам «слегка подтолкнуть их»..! Но несмотря на такую промелькнувшую мысль, он не смог бы причинить им вред, в то время как неприязнь к ним, казалось, высасывала из него все остатки энергии.

На некоторое время Нейл почти забыл про Тариса, затем голос брата, – сначала очень далеко, затем резко приблизившийся, – словно прорвался внутри него и чуть не оглушил. «Нейл!!!...» – заорал тот где-то там, в леске. Что он «увидел»?.. Что-то, чего не заметил сам Нейл: он словно начал

медленно погружаться!

... Сколько примерно времени Нейл пробыл «в отключке»?.. Казалось, нисколько! Всё так же трепетали маленькие свечки, как будто даже не подтаявшие. А посреди зала шелестел, наполняя водоем, источник, скрытый среди прекрасно разросшихся ароматных растений. До Нейла доносился освежающий запах мяты.

– Ты бредил... – в голосе женщины звучало глубокое сочувствие. Та самая медноволосая, странно знакомая ему женщина. «Малива...» – подумал он. Имя, которое он, казалось, произносил в прошлом часто. Он не стал спрашивать у нее, что именно он говорил в бреду. А вместо этого вспомнил слова старика «про прошедшие тысячи лет» и усмехнулся внутри себя иронично: не слишком ли она молода для стольких лет! Но даже если он отсутствовал не тысячи, а двадцать... Двадцать лет! Где он был всё это долгое время?!

Глаза женщины необычайно ярко переливались в полумраке; наверное, свет горящих свечей отражался в ее взгляде. А кроме нее в доме осталась и та молоденькая девочка, Дайга. Очевидно, женщины намеревались ухаживать за больным гостем. «Богини»... или обычные молодые женщины! Но в чем была причина его болезни? Выборочная ретроградная амнезия, полное истощение сил, пока ничем не объяснимые! Он попытался вспомнить только что привидевшееся.

«Ты бросил его, еще мальчишку, одного за Гранью! Поче-

му, Нейл? Что произошло?!.. »

Он действительно сделал нечто подобное?! И, наконец, что это за «грань»?..

Тем временем, женщина протянула ему красивый, украшенный резьбой стаканчик. Нейл принял его, не возражая, маленький стаканчик показался ему очень тяжелым. Беря его у нее из рук, он чуть прикоснулся к руке молодой женщины и интуитивно как бы попытался создать какую-то связь, короткое общее воспоминание. И кажется, одно воспоминание действительно промелькнуло в нем! Как легкая вспышка, как тихий музыкальный аккорд... Но на том всё оборвалось.

Нейл проследил взглядом за девушкой, направившейся к одному из светильников, прикрепленных к стенам зала. Сейчас они зажигались, как будто сами, один за другим, но скорее каким-то призрачным сиянием, чем настоящим светом.

– Светляки... – объяснила она, очевидно, в ответ на его не произнесенный вслух вопрос. – Они будут сиять всю ночь и тебе будет не так одиноко.

Что за фантазия! А он остался в полном изумлении и от того, что она услышала его, и от самого ее ответа, но улыбнулся и кивнул, даже если девушка не смотрела в его сторону. У него было ощущение, что она видит его. Нейл был очарован: она стояла перед светильником и шептала на том странном языке какие-то свои романтические фантазии. Ему хотелось встать, подойти и взглянуть через ее плечо на

то, что она там видела на самом деле. Но он не шевельнулся, не было сил. Возможно, полупрозрачные светильники на самом деле были обычными соляными лампами, выточенными из галита, цветной каменной соли, с примесью минералов и водорослей. К ним и слетались привлеченные светляки... Да нет же, с чего вдруг светляки полетели бы на искусственный свет, который их обычно отпугивает!

Теперь и женщины собирались уйти, оставляя его на этот раз совершенно одного. Элитный пансионат? О роскошном экологическом курорте он подумал потому что атмосфера в зале была изысканной. Минимальный комфорт, но продуманный в мелочах. Он был... клиентом, полным денег... сбежавшим из своей золоченой клетки?!

Отвлекаясь от этих мыслей, Нейл отпил глоток предложенного напитка.

– Лунная амброзия, – сказала Малива, – или лунный нектар. Можно назвать его по-разному.

А он кивнул, принимая и эту романтическую выдумку.

– Подожди, подожди... Хватит пока этого, – она вдруг забрала у него из рук стаканчик, не дав ему допить. – Не сразу всё!

Он удивился: что там пить, всего-то один глоток. Но послушался. («Какое-то психотропное средство!» Понадеялся, что это не капли яда, которым они себя здесь отравляли, чтобы провоцировать в себе видения.)

Девочка повернулась и, легко ступая ногами обутыми в

причудливо плетеные сандалии, направилась через зал к водоему; тонкое платье на ней чуть струилось при каждом ее шаге. Волосы, с отсветом темной меди... Само воплощение юности и гармонии. Потом, уже стоя на краю бассейна, она сделала типичный для любой романтической девушки жест: кинула на воду горстку лепестков из вазы, которую держала в руках. Рука ее, очерченная светящимся контуром, флуоресцировала! Нейл приподнял собственную руку, взглянул – и его рука тоже слабо светилась... Повышенный радиационный фон?! Слабой люминисценцией обладают все живые организмы, но обычно она не заметна для глаз. Что здесь происходило?!

... Нейл раскрыл глаза. Оказывается, он лежал, раскинувшись расслабленно на мягкой постеле, устроенной на полу. Безмерно усталое тело буквально погружалось куда-то вглубь, укутанное тончайшей, невесомой простыней. Когда и как он успел раздеться? Рядом лежали сброшенные, как что-то больше не нужное, его одежда и ботинки. Была ночь. Но, казалось, не та же самая, а какая-то другая, и зал был тоже другой! Как он очутился здесь? Нейл не смог вспомнить. «Амброзия... нектар... – произнес он внутри себя. – На самом деле всего лишь какое-то сильное снотворное с фруктовым ароматом!» Нейл был дезориентирован; течение времени странно изменилось с момента его прихода в Сад: стремительно летело и одновременно словно замерло.

Зал примыкал к внешнему портику, отделенный от него

рядом проемов, но без оконных рам. Снаружи было светло от луны, но портик затенял его. В теплом воздухе разливался едва уловимый лимонный аромат. Тени падали на светлый, ровный пол, и три деревца росли прямо из пола, у самых оконных проемов. Зал был отделен от Сада по сути лишь узкими простенками, но тем не менее казался уютным, так, словно сам Сад, бездонно-глубокий в ночной тьме, защищал его.

Всё было тихо, кажется, он был совершенно один в доме. Не поднимаясь с постели, лишь запрокинув голову, Нейл поглядел на стену в изголовье. Его постель помещалась в широкой, но не очень глубокой нише, а ниша была сплошь расписана! Он приподнялся с усилием, повернулся, чтоб рассмотреть роспись получше. Тело было приятно тяжелым, и голова чуть кружилась, но ему было хорошо. Роспись на стене изображала какой-то таинственный темный сад. Она очаровывала его почти гипнотически. Уводила его взгляд вглубь. Нет, не взгляд, уводила самого Нейла куда-то. И он вошел в нее... В роспись!

Другой, неведомый сад... В полном мраке, но одновременно как будто озаренный невидимым источником света. «Может быть, существующий где-то», – подумал Нейл. Цветы, растения странной чарующей красоты и родник, струящийся по замшелой скале... Сначала он принял всё это за виртуально оживленную, беспрерывно повторяющуюся картинку, но вода на самом деле лилась! А он, пусть готовый ски-

нуть с себя странное наваждение, вместо того, чтоб очнуться, продолжал идти, как бы углубляясь во тьму. Кто-то вышел ему навстречу из темного сада... Словно материализовался из поблескивавших струй воды.

Поначалу Нейл принял фигуру за собственное отражение. Случается иногда наткнуться на зеркало в полутемном закутке какого-нибудь коридора и вдруг увидеть кого-то, идущего тебе навстречу. И лишь в следующее мгновение узнать в незнакомце себя... Не вполне тот, кем ты привык себя считать. И ты уже не уверен, что знаешь «об этом типе» – о самом себе – всё до конца! Но отражение не повторяло его движения и остановилось поодаль у источника, у роскошных зарослей.

– Когда-нибудь и райский сад исчезнет, – констатировал стоящий в чернильном мраке, освещенный невидимым источником света. Потом спросил у молчавшего Нейла:

– Ну... брат! И что же ты теперь чувствуешь?

Едва ли тот нуждался в его ответе. Тарис! Маленькая фигурка его брата была величиной с ладонь, не больше. Опти-ческая иллюзия на фоне таинственных магических зарослей растений и цветов, не по-земному больших и неземной красоты! Нейлу захотелось приблизиться, войти в чащу, затеряться среди странных растений, ласково обнимающих идущего в темноте, узнать, что скрывается там в глубине. Даже если он заранее откуда-то знал, что там, в мягкой тьме, этим зарослям не было бы конца! А Тарис стоял там, как на стра-

же, очевидно не желая подпускать его ближе, и сам не приближался к нему ни на шаг.

– Ты чуть не убил меня! – с укором напомнил ему Нейл произошедшее.

– Ничего, брат, ты живучий! – насмешливо отозвался тот. Потом, после паузы, словно подтверждая пришедшую Нейлу мысль «о театральной декорации», произнес с как бы с нарочито театральным пафосом: – Брат, я пришел, чтобы сделать тебе подарок!.. Еще один сон! Смотри же его!

... Богам не пристало испытывать чувство страха...

Нейл изо всех сил сделал поспешный рывок вверх и даже подгреб руками, используя простую мускульную силу. Еще раз взглянул вверх на исковерканную стальную связку, полную осколков стекла, ища за что бы уцепиться, чтоб хоть как-то сэкономить свою совершенно истощенную энергию. Время утекало, как песок в песочных часах, а он тратил его по-глупому! И скоро, окончательно обессилев, повис бы уцепившись руками за какую-нибудь железяку, как самый обыкновенный парнишка! Такого с ним еще не было. Нейл смотрел на свои ноги, пока еще вытянутые в горизонтальной плоскости, но постепенно, опускавшиеся...

– Я всё думаю, что у них там, под этой бабьей рубахой, на что им нужны кальсоны! – глупо ухмыляясь, сказал один из двоих внизу. Второй, опасливо оглядываясь по сторонам, пробормотал:

– Тише ты!

В то время как Нейл искренне каялся, что столько времени потратил впустую, интересуясь людьми, их языком, их неизменно глупыми разговорами. Да еще втянул в это дело Тариса! Нужно было проявить какое-то снисхождение к этим уродам?! Гнев и желание смеяться лишали Нейла остатков энергии.

«Ублюдки!.. Какого черта им от меня нужно!?!» Ноги его еще раз едва уловимо качнулись вниз. А он собрался с силами и сосредоточился, стараясь слушать не тех внизу, а Тариса, всё это время что-то ему говорившего.

– Не смей, Тар! – наконец поняв, приказал он младшему брату, в очередной раз настойчиво предлагавшему ему свою помощь. – Оставайся там!

– Тащи палку! – один из стоявших на стенке крикнул нетерпеливо, оборачиваясь к третьему, оставшемуся внизу. Но тот всё еще не мог выломать прут и лишь слабо огрызнулся:

– Слезь да помоги! А то пальни мальчонке по ногам! Он нам сгодится и с перебитыми ногами!

Значит, у них все-таки было оружие, но по какой-то причине они пока не торопились его использовать. Если б у Нейла было достаточно сил, он всё же подтолкнул бы их... Головой вниз! И это уже их личное дело, свернут ли они себе шеи или нет! Но даже если он был порядком разозлен, не в его и Тариса правилах было причинять кому-то вред.

Разозлен или испуган?.. Тарис не должен был этого знать;

Нейл попытался прикрыть в себе ощущение страха. Ради брата нужно было срочно придумать что-то! Тот верил в него, всегда находившего выход. И сейчас не переставал ныть под ухом, спрашивая беспрестанно, что ему делать, но этим лишь мешал Нейлу сосредоточиться.

Нейл еще раз поглядел вверх над собой: вылезти наружу обычным путем не представлялось никакой возможности и спуститься ниже тоже было нельзя. Разве что на самом деле заставить одного из двух потерять равновесие, отвлечь их обоих и... Вот он момент! Мог ли он «ускорить себя и замедлить их»?! Сцены того, что произойдет, разворачивались перед ним, помимо его воли, в секвенции, одна за другой. Один человек медленно падал с барьера, очень медленно взмахивая руками; другой так же замедленно прыгал вниз и склонился над ним. Но затем оборачивался... И он, и тот третий медленно срывались с места вслед за Нейлом! В замедленных, широких прыжках – его бег и бег людей – рука человека протягивалась вперед, почти достигала плеча Нейла!.. Ну, разумеется, они не смогли бы схватить его, потому что «обожглись бы, как раскаленным металлом»! И не смогли бы сдвинуть его с места, найдя его «тяжелым, как валун»... Или попадали бы на землю, даже без всякого к нему прикосновения, от одного взмаха его руки... Но что-то говорило Нейлу не особо рассчитывать на всё это!

– Эй, пацан, не надоело еще висеть в воздухе? – позвал стоявший внизу. – Небось устал!

– Всё молчит... – прокомментировал другой. – Может, немой? Или не умеет говорить по-нашему.

– Рот есть, а язык... – отозвался первый с издевкой: – Ничего, ему там его развяжут! Эй, ангелочек! Смотри-ка, глаза светятся как у барса!

– Ты не очень-то задевай его! – всё так же поостерег его товарищ.

– Может, он в самом деле опасен? Эй, мальчонка, мы тебя не тронем, не бойся! – похахатывал первый. – Отведем тебя куда приказано, награду получим... Всего делов-то!

Но второй опять урезонивал его:

– Давай потише. Он всё же «бог» какой-никакой! Хоть и пацан еще!

А тот хмыкнул мерзко:

– Эй, малыш! Ты как?... Бог или нет? Метни-ка молнию!

– Ты что, дурак что ли!... – другой деланно, но может отчасти и всерьез всполошился. – Сейчас метнет тебе в твою дурную голову!

Нейл подумал, что и в самом деле должен что-то метнуть. И если не какую-то железяку, то что..?! Уже готовая проявиться мысль ускользнула. Ничего из ничего не появляется, особенно когда у тебя нет сил! Они же сбивали его с мысли этой своей дурацкой болтовней:

– Да брось ты! Какой он бог! Всего лишь недоросток, сбежавший из цирка!

Нейл порылся бы у них в головах, чтоб узнать, кто соби-

рался им за него платить. Но одна только мысль об этом отворачивала: мрак какой-то!

Тем временем первый снова обратился к товарищу вниз:
– Ты долго еще?!

И тот со звериным от натуги рывком выломал, наконец, прут.

– Молодец! Давай, тащи его сюда!

Их приятель прошипел со злостью:

– Подождёте!

Теперь он гнул изо всех сил прут, упираясь в него ногой, пытаясь сделать на его конце крюк.

– Нейл!.. Как тебе помочь?! – где-то внутри него отчаянно прокричал Тарис. – Ты не можешь вылезти оттуда как-то?!..!

– По-твоему, я был бы всё еще здесь?! – огрызнулся Нейл вполне по-человечески. Само это место влияло на них далеко не позитивно. Тусклая энергия странно мutilа Нейлу голову, тормозя его, а заодно – через его восприятие – путала и его брата. И они оба отчаянно пытались ускорить бег мыслей, спеша, как обычные подростки, а это им совсем не помогало! И все их знания разлетались как те вороны, что время от времени залетали в развалины. Всё, что приходило Нейлу в голову, было ему сейчас не под силу. К примеру, «прием параллели»: “Я перед вашими глазами, а вы в упор меня не видите!” Если у тебя недостаточно сил, то ты рискуешь проявиться прямо у них перед носом!

– Давай я отвлеку их на себя! – снова предложил Тарис.

– Как же!.. – ответил Нейл младшему брату почти раздраженно. – Я уже вижу сцену! Ты сделаешь им большое одолжение, они получат за нас двойную награду!

– Их всего трое, Нейл... – возразил тот не вполне уверенно. Сравнил! Те – матерые мужики, а они, и в самом деле, по-земному всего лишь пацаны!

Впрочем, что касалось «мужиков»... У большей части людей – за неимением достаточного времени жизни – мышление оставалось детским в теле уже вполне взрослого человека, а это несло им свои беды. Нейл смотрел вниз и невольно прочитывал это самое детское мышление. Чем это могло ему помочь?

В этот момент тот, что вооружился ломом, перехватил его в своей руке поудобнее, как копье, и подошел к своим товарищам; и все трое смотрели вверх на Нейла, решая, как бы получше его зацепить. На что они рассчитывали?! Багор хорош разве что для трупа! Сейчас эти придурки начнут водить шестом, чтоб как-то зацепить его, а он просто оттолкнет его ногой... если только ему не помешает одежда! Не раздумывая, он быстро скинул с себя балахонистую рубашку, кинул ее вниз, прямо им под ноги. Тупые, даже не сразу поняли, почему он это делает:

– Смотри-ка... Раздевается пидиросток! Ха! Гмы! Чего это он?..

Теперь они могли пойти подальше, со своим крюком!

Тот, что стоял внизу у барьера, поднял и одурело раз-

глядывал его рубашу, словно видел такое впервые. Нейл же, оставшийся голый по пояс, в одних «кальсонах», испытывал отвращение от одной мысли, что этот человек прикасался к его одежде своими руками.

– Что это такое? Никогда такой фактуры не видел! И не весит ничего! На паутину похоже... Из чего они ее плетут? Ну точно, – бабий наряд!

– Дай-ка сюда!

Стоявший на барьере наклонился и протянул руку, взял рубашку Нейла из рук стоявшего внизу, сделал попытку ее порвать, но не смог. Третий тоже попробовал и тоже безуспешно, и, разозлившись, скомкал и отшвырнул прочь, в пыль. Всё это лишь еще больше обозлило их, и они принялись орать ему:

– Эй, ты!.. Птичье отродье! Слазь тебе говорят! Не то хуже будет! Всё равно ведь достанем... И тогда наkostenяем тебе!

Но затем, после наступившей вдруг паузы, тот, что, казалось, рассуждал чуть больше других (или просто больше боялся) заметил:

– Дурак ты! Ты когда-нибудь имел с ними дело? Гляди, он позовет кого-нибудь из «старших»! Придут и – наkostenяют тебе!

Они переглянулись и было ясно, что такая перспектива их совсем не прельщала. В глубине себя они его опасались! Нейл чувствовал этот их скрытый страх. «Создать хотя бы фантом?...» – подумал он.

– Молчит... – пробормотал тот, что задевал его больше всех. – Что у него на уме? Эй, ты!.. Скажи хоть слово. Не нравится мне его молчание!

И наступила тишина.

«Это всё?..» – подумал Нейл и вышел из видения.

15. Какого типа фантом?

... На полу лежали узорные тени; от луны было так светло, что были бы не нужны и светильники. Снаружи портика в Саду старые деревья что-то шептали ему, но он никак не мог понять, что... И какой-то шелест, шорохи, будто чьи-то замирающие в глубине дома шаги. Нейл прислушался, но звук закончился на мелодичной ноте – всего лишь журчание струящегося в соседнем зале источника. Изменчивые, непредсказуемые, завораживающие звуки, уводящие далеко.

Совсем другое – капанье сломанного крана, назойливый отзвук, усиливающий ощущение запустения. И отчужденность... А он вспоминал что-то, может быть, всего лишь один свой старый сон? Нейл не был уверен.

... Он шел по пустому коридору какого-то заброшенного строения, оглядываясь по сторонам, интуиция увлекала его вперед. Коридор оказался недлинным, свернул и кончился такой же пустой комнатой. В глубине дверной проем без двери вел дальше, в другое помещение. Кругом царило типичное запустение нежилого здания: на полу лежали пыль и кучи обвалившейся блеклой штукатурки, оконных рам не бы-

ло. Взглянув в один проем, Нейл отметил вскользь, что находится на наземном этаже, но не задумался, зачем он здесь. День был не ясный, серый, атмосфера в помещениях – тусклая, унылая.

Потом какой-то звук привлек его внимание, и Нейл вошел в просторную и совершенно пустую комнату, посреди которой находилась примитивная душевая кабинка. Кто-то там мылся, за обычной непрозрачной занавеской. Это было странно... до нелепости странно! Не только совершенно заброшенное здание с его атмосферой упадка и запустения, но и сама комната – просторная и голая, с высоким потолком – совершенно не соответствовала представлению о ванной комнате. Он искал взглядом, но труб нигде не было видно, вода же лилась и лилась откуда-то. Во всем этом было что-то, что ускользало от понимания Нейла. Ему казалось, что он находился совсем даже не на Земле; здесь не должны были существовать ни это строение, ни простая душевая кабинка, и даже воды не должно было быть! Он медленно подходил, влекомый каким-то гнетущим чувством, и слышал собственное дыхание, которое странно отдавалось у него в ушах, как будто он сам находился внутри своего рода кокона или под куполом, отделявшим его от всего окружающего. С растущим тягостным ощущением он протянул руку к занавесу, потянул его в сторону; ему было необходимо увидеть, кто там был!

Голый стоял под душем, вполоборота, с низко опущенной

головой, покрытой тонким белым полотенцем, насквозь промокшим, с которого стекала вода.

– Но почему..?! – напряженно думал Нейл, не понимая. – Почему он так стоит!?!..!

В сцене было нечто впечатляющее: фигура понурая и неподвижная, как статуя. А его лицо?.. Нейл протянул руку и позволил себе медленно стянуть полотенце с головы стоявшего. Вода продолжала всё так же звучно, непрерывно литься, стекая по его волосам. И по мере того, как полотенце соскальзывало с головы человека, тот приобретал всё более пугающий вид. Станный в этой своей неподвижности, глядящий через плечо исподлобья, с остановившимся взглядом черных с синевой глаз.

Нейл, пораженный, отступал, в то время как голос стоящего под льющейся водой звучал протяженно и густо, подобно записи на замедленных оборотах. Его «нечеловеческий тембр» дробился: «О-о-н не-е-е узна-а-ет ме-е-няяя...» В кататонической позе и в темном взгляде, в этих растянутых восклицаниях было что-то... Отчаяние?!

Сон? Нейл вернулся в себя и сразу его забыл. Может быть, само капание воды отвлекло, напоминая ему, что он выпил всего несколько капель какого-то странного питья и давно ничего не ел, но не испытывал ни голода, ни жажды. Более того, и другие его физиологические функции как будто приостановились. Ему следовало бы сделать усилие, встать и осмотреть получше дом. Подумал иронично, что в случае

«нужды», он мог бы просто выйти в сад, но не рискнул бы ночью углубляться в чащи: заблудиться в этом огромном лесопарке ничего не стоило, даже если ночь была светлая, лунная.

Им продолжала владеть всё та же расслабленная, вялая медлительность. Естественный радиационный фон Сада?.. Могли ли это быть первые признаки «лучевой болезни»?!! Вот, другая абсурдная мысль! Скорее налицо все признаки неврастении. Может быть, в результате хронических недосыпаний или злоупотребления алкоголем! Алкогольный делирий?!.. Он только что на полном серьезе «разговаривал с фигуркой брата, вышедшей из росписи на стене»! Не говоря уже про посещавшие его странные видения... Сбивчивая речь, эйфория, расслабленность – возможно, последствия выпитого «опиума»! А он казался сам себе импровизированным медиком. Ухмыльнулся и усомнился в том, что занимался когда-нибудь медициной, однако его интересы были явно разносторонними.

Нейл запрокинул голову и еще раз посмотрел на фреску. Чья-то причудливая фантазия, но такая ему знакомая! А голова опять чуть кружилась...

... Может быть, он действительно мог сотворить фантом! Фигуру взрослого сиддха, «пришедшего ему на помощь»! Внутренним зрением Нейл уже видел эту плывущую в воздухе фигуру, и даже светящуюся для большего эффекта. Страх людей, их попытка бежать... Однако потом – в том же самом

его видении – сцена менялась произвольно, а люди останавливались:

–Эй! Подожди! Да это всего лишь морок!

А можно, конечно, создать для них и что-то попроще: какую-нибудь мерзкую зверюгу, вползающую в портал! Чтоб у них от страха не осталось много времени на размышления. Но всё это – сплошное ребячество, напрасная трата сил, которых у него и без того было мало. И всё, что Нейл мог сейчас сотворить (с его запасом энергии!), это жалкий, ничтожный полупрозрачный фантомчик, который не убедил бы даже ребенка.

– Нейл, давай я слетаю к Грани! И попробую позвать наших! – вмешался Тарис, напоминая ему о себе. Нейл почти забыл о брате, и это тоже было странно: как он мог о нем забыть?!

– Тар, отсюда невозможно просто так «позвать»!

А может, тот на самом деле собирался попробовать пройти Грань сам, без него?! И оставить его здесь одного, один на один с этими людьми?...! Мысль показалась ему чужой. Раньше он никогда так не думал о брате. И тот не оставил бы его в беде. Однако Нейл не знал, сколько еще он сможет продержаться. И стоило, наверное, отослать младшего брата подальше, чтоб тот не совершил какую-нибудь необдуманную глупость. И не попал в те же самые «липкие сети», раскинутые пока лишь для него, Нейла.

Вот именно! Нейлу вдруг показалось, что его давно здесь

ждали! Кто?.. Кто-то! Кто пока был сильнее его, мальчишки! События, как бы predetermined кем-то, а он всё больше в них запутывался.

Но, может быть, Тарису действительно удалось бы добраться быстро до Грани и позвать кого-то? И промелькнуло в голове призрачное видение бегущего, прыжками перелетающего и летящего мальчика. Через лес, потемневший и будто остановившийся вокруг него. Возможно, каким-то чудом, кто-то из сиддхов, находящихся близко от Грани, по другую ее сторону, уловил бы его призыв о помощи? И уже неважно, что появившиеся взрослые устроили бы потом ему, Нейлу, хорошую головомойку! Гордость его не пострадала бы, лишь бы они появились!

А он в отчаянии думал, почему их не услышал кто-то из блуждающих по мирам «летописцев», Липиков, о которых они столько слышали! Сиддхи, давно потерянные в мирах. Оставшиеся добровольно или уже поневоле. Прилипшие или привязавшие себя к «цепи земных миров», но хотя бы отчасти сохранявшие в себе суть вечных. Ведь не настолько же они изменились, чтоб не помочь ему! Говорили, что они иногда приходят на помощь, чтоб затем исчезнуть молча, так же молча, как пришли. Они почти не разговаривали со встреченными. Только где же они были до сих пор, эти липики?!.. До сих пор он и Тарис ни разу их не встретили здесь, за Гранью. А будь они в другом мире, на Пятом Уровне земном, Нейл попытался бы призвать на помощь даже просто «эле-

менталов»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.